

ОДИН на ОДИН с МЕТАЛЛОМ

Риск — это часть
боекомплекта

Сергей КОЛЬЦОВ

Боевая хроника. Романы о памятных боях

Сергей Кольцов

Один на один с металлом

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кольцов С. П.

Один на один с металлом / С. П. Кольцов — «Эксмо»,
2023 — (Боевая хроника. Романы о памятных боях)

ISBN 978-5-04-196658-4

По-разному испытывала судьба капитан-лейтенанта Виктора Черкасова. Боевой офицер, участник Великой Отечественной войны, он долгое время был в немилости, даже сидел в тюрьме. Пока, наконец, армейское руководство не вспомнило о богатом опыте ветерана. Черкасова направили в объятый войной Вьетнам обучать военнослужащих управлению современным ПЗРК. Все шло по плану, пока американцы не ввели в строй новейшие вертолеты «Хью Кобра», способные уклоняться от смертельных ударов советских ракет. Чтобы выяснить технические секреты, советское командование решает провести операцию по захвату «Кобры». На это опасное задание идет и бесстрашный капитан-лейтенант Черкасов... Стратегические планы, удачи и просчеты командования, коварство врага, подвиги солдат и командиров – война, как она есть на самом деле. Подлинность событий нашей недавней истории.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196658-4

© Кольцов С. П., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Кольцов

Один на один с металлом

© Кольцов С.П., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Часть первая «От тюрьмы до сумы»

Глава 1 Арест

Телефонный звонок прозвучал одновременно со скрипом несмазанных петель открываемой двери. А я же еще вчера говорил коменданту объекта, чтобы смазал петли солидолом, еще и свою помощь предложил. А он тогда убежал, сославшись на вечную занятость. Я машинально взглянул на часы. Восемь пятьдесят три, официально наш рабочий день начнется через семь минут. Я кивнул двум вошедшим в кабинет офицерам и метнулся к телефону, стоящему на столе возле окна.

– Капитан-лейтенант Черкасов слушает, – я левой рукой схватил телефонную трубку, а правой отодвинул стоящий на моем пути стул.

– Витя, слушай меня внимательно. Прямо сейчас, не выходя из кабинета, уничтожаешь всю информацию, все свои черновики по твоему формируемому отряду. Вообще все, что касается нашей бригады. Насколько я тебя знаю, зажигалка и булавка у тебя всегда в карманах брюк.

– Так точно, Наум Исаакович, – привычно вырвалось у меня. Генерал Эйтингон говорил быстро, и в чувствительной мембране телефона был слышен еще какой-то посторонний шум. Что же там может происходить в кабинете генерала? Но Наум Исаакович зря горячку пороть не будет. Он настоящий разведчик, способный в доли секунды оценить ситуацию. Значит, и мне тоже надо действовать быстро.

Я выхватил из левого кармана моих черных морских расклешенных брюк зажигалку. Боковым зрением увидел, как на меня молча смотрят майор Петров и капитан Иващенко. Мы все трое работали в одном кабинете, хотя задачи у нас совершенно разные. Я вообще-то, честно говоря, здесь временный квартирант. Общие у нас только телефон и пишущая машинка, стоящие на моем столе возле окна.

Не обращая внимания на удивленные взгляды офицеров, я достал из своего письменного стола ворох листов, переписанных от руки, и несколько отпечатанных. Печатал, кстати, я сам, поскольку машинистки у меня в подчинении нет. Если точно, то пока в моем подчинении вообще никого нет. Хотя уже неделю назад я официально назначен начальником штаба морского разведывательно-диверсионного отряда. Кстати, со дня на день придет приказ о присвоении мне звания капитана третьего ранга. Звание досрочно, за прошлогоднюю операцию в Корее. Нашего отряда, как и всей бригады Особого назначения, в природе еще не существует. Вот эта куча бумаг и есть собственно штат формируемого отряда морских разведчиков-диверсантов. Так, во всяком случае, мы пока предполагаем. Мы – это я, генерал Эйтингон, ну и наш начальник управления, генерал Судоплатов. Еще имеются задачи будущего отряда и список кандидатов на командные должности. Насчет формируемого соединения. Тут, как говорится, лучше поздно, чем никогда... Наш Отдельный отряд разогнали семь лет назад, да, видать, война в Корее нашим генералам и адмиралам много чего показала. Хотя бы то, что порою всегда нужно держать сухим и не следует в спешке создавать разведгруппы и отряды, как в сорок первом или три года назад, в Корее, когда там уже вовсю полыхала война. Кстати, в Советской армии, в общевойсковых и танковых армиях три года назад начали создавать отдельные роты специального назначения. Пора бы и адмиралам на флоте задуматься о воссоздании частей

водолазов-разведчиков. Англичане и американцы со своими фрог-менами ¹ сейчас нас здорово опережают.

Кстати, у армейских рот спецназа задачи весьма ограничены. Официально их основная задача – поиск и уничтожение мобильных носителей ядерного оружия в оперативном и оперативно-тактическом тылу противника. По большому счету и для этих задач двух или трех рот, по количеству армий в военном округе, тоже будет явно маловато. Поэтому и создается, вернее, воссоздается, наша бригада Особого назначения.

Как я мыслю, в военных округах тоже нужно создавать бригады специального назначения со своей авиаэскадрильей. Как это у нас в ОМСБОНе ² было. В эскадрилье должны быть и транспортные самолеты, и многоцелевые вертолеты. Я это в Корее хорошо понял на примере наших американских коллег.

Но такие бригады в армии вряд ли появятся. По крайней мере, в ближайшем будущем, поскольку армейские генералы нас, разведчиков, мягко говоря, не жалуют. Помню, как растолковывал мне это мой друг Баир Доржиев три года назад. Он тогда служил в разведотделе штаба округа и, будучи в командировке, заехал к нам с Айжан в гости.

– Ты пойми, Витек, в армии офицеру много думать по штату не положено. Это я тебе кроме шуток говорю, – взглянув на мое недоуменное лицо, улыбнулся Баир. – Армия воюет массой, давя противника своей огневой мощью. Какой-нибудь командир танкового или мотострелкового взвода, действующего в составе батальонной тактической группы, это примерно как рядовой, ну, может, ефрейтор, в разведгруппе. Он и мыслит только в установленных его командованием рамках. Может быть, для общевойсковиков так и надо...

– Вот только выходя из этих рамок, попадая, например, в окружение, они становятся просто пушечным мясом, неспособным думать. Как это было в сорок первом и в сорок втором.

– Зато у нас все по-другому. Помнишь главный принцип обучения в вашем ОМСБОНе или в нашей дальневосточной бригаде.

– Ты о чем конкретно, поясни, – я оторвался от тарелки с бешбармаком.

– А о том, что в наших частях каждый боец умел тактически мыслить, в том числе и за противника. Для этого каждый разведчик готовился с учетом возможности и умения командовать отделением или минометным расчетом. А каждый сержант или офицер должен был уметь выполнять функции командира на одну или две ступени выше занимаемой должности.

– Баир, ну это же азы нашей профессии. Если в тылу противника действовать по шаблону, то тебя быстро вычислят и уничтожат, – вырвалось у меня.

– Витя, дай толком поесть человеку, – сказала моя жена Айжан, забирая у меня пустую тарелку.

– Когда в сорок втором в Белоруссию и на Брянщину начали забрасывать наши организаторские группы, то наши рядовые бойцы обучали военному делу окруженцев и вчерашних колхозников. А потом они командовали взводами партизан, сержанты отрядами, а офицеры партизанскими бригадами.

– Кроме того, каждый наш боец знал штат и тактику немецкой пехотной роты в различных видах боя. Зная это, боец прекрасно понимал, как противник будет действовать при поиске и уничтожении разведгрупп.

– Вот, вот, – усмехнулся Баир.

– Такого вольнодумства общевойсковые генералы не любят. Тем более когда рядовые бойцы имеют подготовку на уровне младших офицеров линейных частей.

---

¹ Фрог-мен – «Человек-лягушка», одно из прозвищ бойцов разведывательно-диверсионных подразделений ВМС на Западе.

² ОМСБОН – Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР.

– Ты, Витя, не думай, что это только наши генералы и адмиралы все такие злодеи и вредители. Нестандартно думающих подчиненных в любой армии мира особо не жалуют. Ты пока в своем институте грыз гранит науки, я это дело отслеживал и развернутые справки для начальства писал, – улыбнулся Доржиев.

– Так вот, после окончания Второй мировой англичане расформировали все свои части командос, а американцы части рейнджеров. Ну а у нас, как мне знающие люди говорили, к этому Генштаб тоже руку приложил. Один из аргументов был такой: много денег уходит на содержание элитных частей.

– У вас ведь в ОМСБОНе денежное довольствие рядового разведчика было как у младшего офицера в пехоте, – Баир, усмехнувшись, взглянул на меня.

– Так у нас и выполняемые задачи, отбор и подготовка были такие, что пехотному Ваньке-взводному или ротному даже и не снилось.

– Не кипятись, Витя, и не агитируй меня за советскую власть, – улыбнулся тогда Баир.

Было это три года назад, а сколько с тех пор воды утекло. Этот разговор мне вспомнился, пока я смотрел на отпечатанный лист с задачами морского отряда бригады Особого назначения. Щелчок зажигалки, и огонь начал пожирать два смятых листа. Я машинально пробежал глазами то, над чем мучительно думал и несколько раз переделывал. То, что скоро превратится в черный скукоживающийся пепел. Глаз зацепился за выписку из доклада начальника Морского Генерального штаба адмирала Исакова: «... наличие пловцов-подрывников в системе ВМС нецелесообразно...

– применение пловцов-подрывников является чисто эпизодическим;

– успешность и эффективность их использования является чрезвычайно низкой;

– борьба с пловцами-подрывниками не представляет трудностей»³.

Огонь коснулся моих пальцев, и я выпустил горящий лист. Дым начало вытягивать в форточку.

Читая последнюю фразу, я хмыкнул и стал смотреть, как огонь жадно пожирал листок с мнением большого флотского начальства. А насчет низкой эффективности... За все время Второй мировой войны подводные диверсанты всех стран уничтожили около двадцати боевых кораблей, включая линкоры и крейсера. Да еще около шестидесяти транспортных судов. Плюс гидротехнические сооружения вроде мостов, шлюзов и военные объекты на берегу.

Я стряхнул пепел с пальцев и зажег следующий лист. Пока он горит, стал читать закрытую справку, полученную мной из архива МВД. «В июле 1946 года министр внутренних дел Круглов подготовил предложение передать флоту захваченные в Германии материалы на тему: «Военно-морской пловец-подрывник» и интернированного немецкого инженера Неймаера, посвятившего разработке этой темы всю жизнь. Среди прочего Министерством внутренних дел предлагались резиновый комбинезон, не стесняющий движений при плавании, одежда и бесшовное белье, не создающее потертостей тела при интенсивном длительном плавании и движении, ножные плавники, позволяющие без помощи рук сохранять направление движения или, по желанию, изменять его, пила для распиливания противоторпедных сетей, взрывчатое вещество повышенной мощности для взрывов в воде...»⁴

Огонь охватил лист, и я, не дочитав, выпустил горящее облачко из рук.

Кто же, интересно, надумил боевого адмирала, потерявшего ногу во время битвы за Кавказ, подготовить такой ответ?

Сам-то Иван Степанович Исаков, хотя и начал воевать еще в Первую мировую и гражданскую, о разведке имеет весьма смутное представление. А вот к его окружению в Главном морском штабе должен был внимательно присмотреться Смерш. Это ведь натуральное вреди-

---

³ Приводится часть подлинного ответа начальника Морского Генерального штаба в МВД.

⁴ Текст подлинный.

тельство! Не за это ли адмирал Исаков был снят с должности вместе с главкомом ВМФ адмиралом Кузнецовым? Поэтому наш отряд водолазов-разведчиков и создается сейчас в МВД, а не на флоте...

Беру последний напечатанный на машинке лист. В глаза бросается заголовок: «Задачи морского разведывательно-диверсионного отряда бригады Особого назначения МВД ⁵ СССР»:

«— ...проведение диверсий на важнейших военно-морских базах и объектах главных агрессивных государств;

— осуществление актов террора в отношении наиболее активных и злобных врагов Советского Союза из числа деятелей капиталистических государств, особо опасных иностранных разведчиков, главарей антисоветских эмигрантских организаций и изменников Родины;

— организация похищений и доставка в СССР новейших образцов военно-морского вооружения и военной техники капиталистических государств...

В целях выполнения вышеизложенных задач отряд...

— выявляет и изучает военно-морские базы...

— изыскивает подходы к этим базам и насаждает на них агентуру;

— ... проведение в особый период, а при необходимости и в мирное время активных разведывательных и диверсионных операций;

— скрытный выход водолазов-разведчиков на берег противника и действия на его коммуникациях;

— водолазный поиск и разграждение оборудования противника перед проведением морских десантных операций».

И тут, почувствовав изучающий взгляд двух пар глаз, я обернулся.

— Здравия желаю, товарищи офицеры, — я взглянул Петрову прямо в глаза. Он стоял вполоборота ближе ко мне.

— И вам доброго утра, Виктор Васильевич, — насмешливо ответил мне майор и улыбнулся. — Спалить нас всех решили с утра пораньше. Так это у вас очень даже может получиться. У нас на этаже ни один огнетушитель в случае пожара точно не сработает. Да и на двух нижних этажах, наверное, тоже. Когда наш девятый отдел ⁶ в мае сюда переезжал, я в хозяйственном отделе огнетушители получал. Пару штук решил проверить. Увы, ни один тогда не сработал, — развел руками Петров.

Я молча кивнул. Знаю, что этот трехэтажный бывший купеческий особняк хотя и построен из красного кирпича, но все внутренние перекрытия и внутренние стены у него сделаны из дерева. А с учетом того, что мы располагаемся в одном из маленьких неприметных переулков на выезде из Москвы, то и пожарные сюда тоже не быстро доедут.

Капитан Иващенко молча смотрел на меня, не задавая лишних вопросов. Да это и ни к чему, ведь в центральном аппарате разведки новичков не держат, так что думать и анализировать Петров и Иващенко явно умеют не хуже меня. Это я, приехавший в Москву двенадцать дней назад, не знаю, чем они занимаются. Но они-то прекрасно знают, кому я подчиняюсь и кто мне мог отдать приказ... сжечь всю документацию.

— Виктор Васильевич, — на меня в упор посмотрел Иващенко, — я вчера поздно вечером ехал на наш загородный объект. Так вот, все шоссе было заполнено колонной бронетехники. В Москву входила большая колонна танков и бронетранспортеров. Я сам сидел за рулем «эмки» и хорошо разглядел солдат и технику. Это танковый и мотострелковый батальоны, видимо, Таманская дивизия. Хотя, может быть, и Кантемировская. Так что остальное подумайте сами, товарищ капитан-лейтенант.

---

⁵ В марте 1953 года МГБ и МВД были слиты в одно министерство, которое возглавил Л. П. Берия.

⁶ Девятый отдел МВД СССР организован 30 мая 1953 года. Именовался «Бюро специальных заданий».

После услышанного у меня лихорадочно заработала голова. «Приказ о вводе войск в столицу мог отдать только министр обороны Булганин, – мелькнула у меня мысль. – А это значит...»

– Насколько я знаю историю Российской империи, так всегда начинались все военные перевороты, – вырвалось у меня.

– Как удавшиеся, так и провалившиеся. К последним, например, относится восстание декабристов. Если отбросить разговоры о народном благе, то здесь мы видим классику жанра. Заговор в офицерской и генеральской среде и использование солдатской массы втемную, – чуть подумав, добавил я.

– Паны дерутся, а у холопов чубы трещат, – оценивающе посмотрел на меня Иващенко. – Хотя, как говорил товарищ Сталин, все исторические аналогии не совсем уместны. Поэтому выполняйте полученный вами приказ. Только одна просьба, Виктор Васильевич, – капитан широко улыбнулся. – Чтобы действительно не устроить пожар, жгите вашу документацию по одному листу и откройте, пожалуйста, окно. Благо окна нашего кабинета выходят во двор... Ладно, я его сейчас сам открою, – шагнул к окну Иващенко.

– А мы пока покурить во двор выйдем, – тактично добавил Петров.

Я в ответ в знак благодарности лишь кивнул.

Сжигая очередной лист, я бегло прочел:

«– командир отряда дважды Герой Советского Союза Виктор Николаевич Леонов

– старшина отряда – Герой Советского Союза Семен Михайлович Агафонов

– заместитель командира отряда по водолазной подготовке Прохвятилов ⁷ Иван Васильевич».

Огонь стал подбираться к пальцам, и я бросил горящий листок в окно, не дочитав фамилию заместителя командира по воздушно-десантной подготовке. В голову полезли тяжелые мысли, и заняло в груди. Опять дало о себе знать прошлогоднее ранение. Пневмоторакс ⁸ – это все-таки не шутка.

Глубоко вдохнув, я боком уселся на подоконник. Двор был сплошь зеленым из-за росших в нем высоких лип и раскидистых конских каштанов. И хотя липы уже отцвели, запах липового цвета до сих пор чувствовался. Пять дней назад, увидев, как наша уборщица Мария Трофимовна собирает цветки липы, я охотно присоединился к ней. Поэтому сейчас я пью великолепный напиток, заваривая цейлонский чай с пахучим липовым цветом. Кстати, бумаги я уже все спалил, теперь можно и чайку попить. Благо электрический чайник и все чайные принадлежности стоят в шкафу. Думая о предстоящем чаепитии, я посмотрел на отрывной календарь, висящий на стене над столиком, который мы неофициально величали чайным.

На листке было двадцать седьмое июня.

– Значит сегодня двадцать седьмого июня тысяча девятьсот пятьдесят третьего года, – вслух произнес я.

Вчера вечером я разговаривал по междугородке с Айжан. И с дочерью Машей поговорил, ей уже семь лет. В этом году ей идти в школу. Вчера я с радостью сказал Айжан, что сегодня после обеда поеду получать ордер на двухкомнатную квартиру. Еще сказал, чтобы жена начала упаковывать вещи. А теперь что будет?

Открыв шкаф, я взял на нижней полке веник с совком и начал заметать с пола пепел.

Так что же это происходит в столице страны и чей это дьявольский план так успешно реализуется? Если сегодня родные «тридцатьчетверки» для нас стали не свои. Для нас – это для генерала Судоплатова, генерала Эйтингона, полковника Серебрянского, ну и для меня.

---

⁷ В годы ВОВ командир роты Особого назначения разведотдела штаба Балтийского флота. Первого в нашей истории подразделения водолазов-разведчиков.

⁸ Пневмоторакс – схлопывание легкого при повреждении грудной клетки. Происходит при попадании воздуха в загрудинную область.

Русские курносые мальчишки в защитных гимнастерках и танковых комбинезонах сейчас тоже для нас не свои. А если им навстречу выйдут танковые части мотострелковой дивизии Дзержинского? Об этом даже страшно подумать. «Так, успокойся, товарищ капитан-лейтенант», – мысленно приказал я себе. Сделал глубокий вдох носом, задержал дыхание. Болезненно заныло в правой части груди. Как говорили древние римляне, всегда ищи, кому это выгодно. Это часто повторял нам преподаватель военной истории пожилой сухощавый полковник с пронзительным взглядом серых глаз.

– Вы, товарищи офицеры, обязаны уметь видеть то, на что лишь смотрят другие. А поскольку сегодня тема занятия «Наполеоновские войны», то с этого и начнем... О чем говорит известная картина «Переход Суворова через Альпы», поясните нам, пожалуйста, товарищ Белый, – обратился преподаватель к сидящему рядом со мной старшему лейтенанту. Кстати, нося такую фамилию, Алексей имел типичную южную внешность – иссиня-черные волосы и смуглый цвет кожи. Впрочем, на Кубани, среди казаков такая внешность вовсе не редкость.

Поднявшись, Алексей замялся. Видно было, что умные мысли совсем не лезли в его голову, привычную решать более приземленные задачи. Но Лешка не растерялся и заговорил штампованными заготовками.

– Картина говорит о высоком морально-психологическом духе солдат и офицеров русской армии... – Чуть замявшись, продолжил: – Русские войска под командованием генералиссимуса Суворова освобождали народы Европы от наполеоновской тирании...

– Садитесь, – махнул рукой полковник. – Вы не на политзанятиях, батенька. Поэтому настоятельно прошу включать голову. Вы ведь не в танковых войсках раньше служили, а в контрразведке Смерш. К тому же вы попутали эпохи. Великую Отечественную войну советского народа и тогдашние межъевропейские разборки.

Пожилой преподаватель, начинавший службу в разведке еще при царе, лично знал генерала Биязи⁹ и его требования. Полковник окинул взглядом притихшую аудиторию:

– А теперь, товарищи офицеры, я сформулирую вопрос более конкретно. А зачем русские люди воевали и умирали на территории Италии, Швейцарии и Австрии? Зачем и кому это нужно было в России?.. И еще подумайте, кому за пределами России было нужно убийство императора Павла и как это связано с последующим участием русской армии в Наполеоновских войнах. Знаменитых сражениях при Фридрихсдорфе и Аустерлице, где русская армия понесла большие потери... Ну, кто рискнет первым? – полковник снова оглядел аудиторию. – На зачете этот смельчак получит на один балл выше.

Эх, была не была! Я тогда поднял руку. Преподаватель снисходительно кивнул. Поднявшись, я начал сбивчиво излагать свою мысль:

– В первой половине восемнадцатого века Российская империя начала интенсивно осваивать территорию Южного и Среднего Урала. Растущему государству как воздух нужна была своя развитая металлургическая промышленность, налаженная система добычи железной и медной руды.

Помолчав, я добавил:

– А также требовалось организовать на Урале геологоразведку, а позднее добычу минералов, драгоценных камней, а также золота и серебра. Словом, всего того, что добывают на Урале сегодня. А тогда отправленный царем Петром Первым Никита Демидов начал, а его сын Акинфий продолжил строительство медеплавильных заводов, где отливали пушки для армии и флота. На чугунолитейных заводах Демидовы наладили производство мортир и ядер, – быстро проговорив все это, я на мгновение замолк, перехватив заинтересованный взгляд преподавателя. – В то же время российское подданство принял младший жуз киргиз-кайсаков, кочевавший по территории Южного Урала. В том числе в тех местах, о которых я говорил и где были

---

⁹ Создатель и первый начальник Военного института иностранных языков.

залежи меди и других полезных ископаемых. Если кто служил на Кавказе, вспомните чеченцев. У них такое же родовое деление, только рода тейпами называются. . . Киргиз-кайсаками в царской России называли казахов, – чуть помедлив, пояснил я. – Жуз – это название рода у казахов. А то, что он младшим называется, так это по политическому влиянию в степи, а не по численности населения. Вообще у казахов три жуза – старший, средний и младший. Соответственно, в то время они кочевали на юге, в центре и на севере современного Казахстана.

– Не отвлекайтесь от темы, – прервал мои воспоминания времен битвы за Кавказ преподаватель.

– Так вот, идущая на юго-восток Российская империя столкнулась с проблемой постоянных набегов разбойничьих шаек, захватывавших людей в плен и разорявших не только русские поселения. До семидесятых годов прошлого века в окрестностях Оренбурга, Орска или Уфы можно было получить на шею аркан и быть проданным на невольничьих рынках Хивы, Бухары или Коканда. А за спиной этих рабовладельческих государств тогда стояла Англия. К сожалению, об этих событиях не создано литературных произведений, вроде повести известного писателя «Казаки». Эту повесть о терских казаках написал боевой офицер, сам участник Кавказской войны – поручик Лев Толстой. Увы, об оренбургских казаках, двести лет проливавших свою кровь на Оренбургской пограничной линии, подобное никто никогда не писал.

– Так какое же отношение убийство Павла Первого имеет ко всем этим событиям? – с интересом спросил преподаватель.

– Павлу Первому явно надоело читать донесения о гибели казаков на пограничной линии, о разорении казахских кочевий и башкирских аулов и о продаже российских подданных на невольничьих рынках Средней Азии. . . Так вот, для уничтожения Хивинского ханства в поход был отправлен донской казачий корпус под командой генерала Орлова. А после убийства царя, которого заговорщики объявили сумасшедшим, ими был запущен слух, что царь отправил войска на завоевание далекой Индии. Следовательно, в сохранении Хивинского ханства, как инструмента постоянного давления на Россию, были заинтересованы англичане. Для этого и потребовалось убийство главы Русского государства, – твердо закончил я.

– Садитесь, Черкасов, оценка «отлично», – улыбнулся преподаватель. – Про Оренбургскую пограничную линию я, грешным делом, сам не сразу подумал. А ведь последний большой набег на Оренбург был в 1861 году. Как раз в год отмены крепостного права в нашей стране. Но, кроме этого, была еще и экономическая составляющая военного заговора. Напомню, товарищи, что к моменту вступления на престол императора Павла Россия была крайне социально несправедливым государством. Напомню, что в феврале тысяча семьсот шестьдесят второго года был принят Указ «О Вольности дворянства». В нем говорилось, что дворяне, составляющие правящий класс в Российской империи, вольны делать что хотят. То есть могут служить государству на военной или гражданской службе, но если не захотят, то могут и не служить, а прожигать жизнь в своих поместьях. До этого указа, напомню, дворяне обязаны были служить государству. Именно за это их предки, именовавшиеся «детьми боярскими», получали от государства поместья с крестьянами, которые обязаны были содержать помещика и его семью, пока тот защищает Отечество. Крестьяне были лично свободны, крепостное право с просвещенного Запада к нам тогда еще не пришло. «Дети боярские» защищали страну на поле боя, а крестьяне работали для того, чтобы прокормить их и их семьи.

Кстати, само слово «поместье» означает земельное владение «по месту службы». То есть пока ты служишь, то пользуешься поместьем. Не явился в боевой поход или дрогнул в бою – поместье отбиралось. Так что жизнь «детей боярских» в Московской Руси не была легкой.

Так вот, после этого указа дворяне, чьи предки были настоящим воинским сословием, начали постепенно превращаться в социальных паразитов. Классический пример – главный герой поэмы Пушкина «Евгений Онегин». Паразит и убийца своего друга. А в нашей стране тогда был настоящий социальный расизм. У каждого из этих господ были крепостные, кото-

рых они называли просто рабами. За людей их, естественно, они не считали. Все логично: как можно считать человеком того, кого ты проигрываешь в карты или покупаешь на базаре? Кстати, многие из дворян перестали считать себя русскими, мня себя частью просвещенной Европы. Да и говорили они в основном на французском языке, а не на языке русского быдла.

Говоря профессиональным языком, на тот момент почти вся эта социальная группа была агентурой английского влияния. Почему именно английского? Ведь между собой они говорили по-французски. Опять напомним первую главу из «Евгения Онегина», где говорится, как «... по Балтийским волнам за лес и сало возят к нам». Эти лес, сало, пенька и зерно, добытые потом русских мужиков, затем морем шли в Англию. Поскольку та была мощной морской державой, пенька для канатов была главным российским экспортом для британского парусного флота. А у Англии было чем платить за это русским помещикам. А те, кто выступал против поставок стратегических товаров потенциальному противнику, жестоко за это поплатились.

Я сейчас процитирую записки одного из декабристов, фон Визена. Это не автор «Недоросля», а его однофамилец, – пояснил преподаватель. – «Англия снабжала нас произведениями и мануфактурными, и колониальными за сырые произведения нашей почвы... Дворянство было обеспечено в верном получении верных доходов со своих поместьев, отпуская за море хлеб, корабельные леса, мачты, сало, пеньку, лен. Разрыв с Англией, нарушая материальное благосостояние дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу. Мысль известить Павла каким бы то ни было способом сделалась почти всеобщей».

И еще, товарищи. Император Павел фактически начал революцию сверху. Он объявил, что помещичьи крестьяне для государства такие же подданные, как и их господа, а вовсе не бесправные рабы. Еще было объявлено, что на своих помещиков крестьяне должны работать не более трех дней в неделю. Вполне естественно, что дворяне-рабовладельцы восприняли этот указ как первый шаг к полной отмене крепостного права. Также Павел прекратил гонения на старообрядцев, уравнивал их в правах с православными и мусульманами. Напомню, что старообрядцы – это православные христиане, не принявшие нововведений патриарха Никона в семнадцатом веке. В Российской империи они были лишены всех гражданских прав. А составляли они, по разным подсчетам, до четверти всего русского населения. Старообрядцы и иудеи, оказавшиеся в России после разделов Польши, были людьми даже не второго, а третьего или четвертого сорта.

Итак, Павел Первый был убит одиннадцатого марта тысяча восемьсот первого года. Кстати, офицеры-заговорщики предлагали ему сохранить жизнь в обмен на письменное отречение от престола. На это Павел ответил: «Вы меня, конечно, убьете, но я все равно останусь русским императором».

– Настоящий мужик, – с уважением произнес кто-то с задних рядов.

– А вот последний русский император, оказавшись среди генералов-заговорщиков в феврале тысяча девятьсот семнадцатого года, кстати, будущих белогвардейцев, от престола отрекся. Ну а за спинами тогдашнего Временного правительства также торчали английские уши. Кстати, английский посол был первый, кого заговорщики известили об успешном перевороте. Царем они объявили цесаревича Александра. Это был мерзавец, отцеубийца и английский агент на русском троне, – с неприязнью сказал преподаватель.

В это же время дворцовый переворот был произведен и в Австрии. После этого русские и австрийские солдаты стали проливать свою кровь за интересы англичан. А нашествие Наполеона на Россию в тысяча восемьсот двенадцатом году имело цель лишь оторвать Россию от Англии. Еще один интересный факт: когда умирал фельдмаршал Кутузов, он просил царя не лить русскую кровь в Европе после изгнания французов из России. По преданию, ответив отказом, царь спросил полководца: простишь ли ты меня, Михаил Илларионович? «Я-то прошу, а вот Россия нет», – мудро ответил старец.

Благодаря деяниям самого высокопоставленного английского агента влияния Александра Романова, – при этих словах в глазах полковника сверкнули огоньки, – Россия потеряла в Наполеоновских войнах самую активную, лучшую часть своего мужского населения. Эти люди не оставили после себя потомства. Поэтому во время столкновения с объединенным Западом, во время Крымской войны, наша страна потерпела поражение. Это неудивительно, ибо те, кто служил в русской армии офицерами, родились от тех, кто в массе своей не рвался защищать Родину в тысяча восемьсот двенадцатом году. «Что мне честь, если нечего есть», – говорит боевому офицеру один из таких «полководцев» в «Севастопольских рассказах» Льва Толстого. А автор, боевой артиллерийский офицер, знал, о чем говорил.

В окно вместе с порывом ветра влетел зеленый липовый лист, оторвав меня от воспоминаний. Боль из груди до конца все-таки не ушла.

– Это вы Виктор Васильевич Черкасов? – раздался незнакомый властный голос.

Я обернулся. В кабинет уже вошли четверо в военной форме. Майор, два лейтенанта и капитан. «Почему же дверь не заскрипела?» – мелькнула у меня в голове нелепая мысль.

– Вы арестованы, гражданин Черкасов, – будничным равнодушным голосом объявил мне майор.

– Предъявите ордер прокуратуры на мой арест, – сглотнув комок в горле, как можно спокойнее ответил я, поднимаясь с подоконника.

Майор протянул мне лист бумаги. Бросилась в глаза первая страница; «В связи с участием в антигосударственном заговоре...». Бегло прочитав текст, я обратил внимание, что документы не имеют ни подписи, ни печати... По рассказам Романа Николаевича Кима¹⁰ я знал, что в подобных документах обязательно должна быть подпись прокурора, завизированная печатью.

– Майор, это филькина грамота, а не документ, – посмотрел я прямо в глаза офицеру.

Майор на мгновение смешался, но затем, переглянувшись с капитаном, взял себя в руки.

– Гражданин Черкасов, мы выполняем приказ, поэтому попрошу вас проехать с нами. Все объяснения и соответствующие документы вы скоро получите.

– Ну, что же, как говорится, сила соломѹ ломит, – согласился я.

– У вас есть оружие, гражданин Черкасов? – спросил майор.

Я отрицательно мотнул головой.

Ко мне подошел капитан и, выполняя формальную обязанность, нехотя похлопал по моим карманам. Было видно, что ему как-то не очень приятно обыскивать и арестовывать офицера, имеющего на груди две золотые и одну красную нашивку за ранения и орденские планки. Я достал из внутреннего кармана кителя удостоверение личности и партийный билет, а из карманов брюк вынул зажигалку, булавку и ключи от рабочего сейфа. То, что в сейфе находятся мои боевые награды, я говорить не стал. Сами найдут, благо что мой рабочий стол уже опустел. В общежитии МВД, в комнате, где кроме меня остановились еще два командированных офицера, искать нечего. Только смена белья и, как говорится, мыльно-рыльные принадлежности, да еще роман Достоевского «Братья Карамазовы», который я перечитываю второй раз.

– Снимите часы, Черкасов, – бросил мне майор, а потом обратился к капитану: – Останешься здесь и все осмотришь.

– Есть, товарищ майор, – по уставу с готовностью ответил тот, положив мои трофейные швейцарские часы вместе с остальными изъятыми у меня предметами.

Меня вывели из здания на улицу и посадили в закрытую тюремную машину. Я не мог точно определить, сколько длился наш путь. Машина доставила меня, как я узнал впоследствии, в тюрьму Лефортово. Хотя правильно будет не тюрьма, а следственный изолятор.

---

¹⁰ Роман Николаевич Ким – русский советский писатель, автор популярных шпионских романов, в 1920–1940-е годы сотрудник японского отдела советской разведки (ИНО ОГПУ).

Меня обыскали, на сей раз по-настоящему, и нашли в заднем кармане брюк бумажник, который я забыл отдать в кабинете. Потом поместили в одиночную камеру. Она представляла собой клетушку метра три в длину и два в ширину. Зарешеченное окно находилось высоко, и увидеть, что за ним происходит, было невозможно. Привинченная к полу кровать, умывальник и унитаза. Такова была обстановка в моем узилище. Грубо оштукатуренные небеленые стены одним своим видом давили на психику. Мне рассказывали знающие люди, что участвовать в бою, даже лежать под артиллерийским и минометным обстрелом, гораздо легче, чем перенести пытки одиночкой. «Оказывается, наша родная камера ничем не отличается от немецких или американских застенков», – мелькнула у меня нелепая мысль.

Наступило время обеда. В камеру через окошко подали миску жидкого супа и два куска темного тюремного хлеба. Я с трудом заставил себя съесть все это, понимая, что силы мне еще понадобятся. Так начался мой первый тюремный день.

* * *

Почувствовав движение воздуха и шум, я рывком поднялся и сел на кровати, и только после этого окончательно проснулся. Обостренный, тренированный слух не обманул меня и на этот раз. Лязгнула отпираемая дверь, и в камеру вошли два надзирателя. Крепкие, плечистые парни, оба сержанты.

– Переодевайтесь, подследственный, – один из надзирателей бросил на койку тюремную робу. Только тут до меня дошло, что я до сих пор не только в своей форме, но и с погонами офицера морских частей пограничных войск. Для Лефортово это был явный беспорядок. А говорить это может только об одном – в стране произошел переворот, и поспешно была произведена серия арестов тех, кто, на взгляд заговорщиков, мог представлять какую-либо опасность. Не совсем, правда, понимаю, каким образом я попал в их число, какой-то каплейт с Дальнего Востока. Поэтому сейчас ни о какой законности и даже формальностях заговорщики не думают.

Уже одетого в тюремную одежду меня повели на первый допрос. Оба мои охранника шли рядом со мной – один впереди, а другой сзади. Впереди шел человек с флажками и периодически подавал какие-то сигналы. «Все ясно, – сообразил я, – не одного меня этой ночью будут допрашивать, и мы не должны видеть друг друга». Мы долго шли какими-то коридорами, и я понял, что мы пришли в другое здание. Проведя мимо множества дверей, меня завели в кабинет. Бросился в глаза большой письменный стол, портрет Ленина на стене, два кресла, стулья и рядом столик. «Чай за ним, наверное, пьют или кофе», – машинально отметил я.

У рабочего стола стояли два человека. Один, высокий, в военной форме с погонами подполковника, другой, полноватый коротышка, был в сером костюме и галстуке. Кабинет ярко освещали две большие люстры.

– Свободны, – небрежно бросил подполковник охранникам. – Вы, Черкасов, хотели увидеть ордер на арест. Ознакомьтесь и распишитесь, – злорадно улыбнувшись, он протянул мне документ. – С этим тоже ознакомьтесь и распишитесь – это опись изъятых у вас при аресте вещей.

Подписав опись, я бегло пробежал глазами ордер. Обвинение то же самое, но уже более конкретное: «участие в заговоре Берии». Документ был подписан заместителем Генерального прокурора генерал-лейтенантом юстиции Китаевым. Прочитав документы, я расписался об ознакомлении.

– Вы даже представить себе не можете, какими доказательствами располагает следствие. Если вы хотите сохранить свою жизнь, то должны сами все рассказать о подготовке государственного заговора. Только это может убедить следствие, что вы действительно раскаиваетесь, – убедительно добавил подполковник, глядя мне прямо в глаза. При этом его лицо со

слегка выпирающей челюстью напомнило мне морду бульдога. – Для начала чистосердечно расскажите обо всем, что вы обсуждали в доме, занимаемом семейством Берия, с этими врагами народа. Для чего Берии сейчас понадобилось собирать головорезов со всей страны...

– Прошу выбирать выражения, гражданин подполковник. Я не головорез, а офицер советской разведки. Имею пять боевых орденов за действия в тылу противника... А не за разбой на ночной дороге, – уже более спокойным тоном добавил я. – Кроме того, я выражаю протест по поводу ночного допроса. Насколько мне известно, ночные допросы и другие противозаконные приемы следствия были запрещены Лаврентием Павловичем Берии, когда он стал министром внутренних дел.

Мои слова на допрашивающих меня людей подействовали как красная тряпка на быка.

– Мы не будем придерживаться каких-то правил, допрашивая заклятых врагов советской власти. Я знаю, что в вашем кровавом НКВД никаких формальностей никто никогда не соблюдал. Лично с вами, с Берией и со всей вашей бандой мы будем поступать так же, – заорал штатский. При этом его лицо исказилось и налилось кровью.

«Так, значит, собой ты владеть не умеешь, и эта фраза насчет «вашего НКВД». То, что он не из нашего министерства, это точно, да и, похоже, не из военной разведки. Прокуратура? Партийные органы?» Но тут мягко и спокойно заговорил подполковник, оборвав мои размышления.

– Вы ведь еще так молоды, Виктор Васильевич. Никто и не ставит под сомнение ваши боевые заслуги. А мы лишь хотим помочь вам, и вы должны правильно это понять. Разумеется, мы понимаем, что вы не организатор заговора, – тут подполковник улыбнулся, – и не можете им быть. Организатор антигосударственного и антипартийного заговора – Лаврентий Берия. Кстати, он уже дал признательные показания. Ваш друг Серго Берия, кстати, тоже во всем сознался... Подумайте о своей жене и дочери, наконец. У вас пока еще есть время, – многозначительно посмотрел мне в глаза подполковник.

В кабинете установилась тишина. Допрашивающие меня уселись в креслах, а мне подполковник рукой указал на фигурный резной стул. Еще пять таких стульев стояли возле стены.

– Скажите, почему, прибыв в Москву, вы сразу поехали на Малую Никитскую в дом Берии? – снова включился в допрос штатский. – И вообще, Черкасов, когда вы впервые стали выполнять преступные приказы Лаврентия Берии и его сына?

– Двадцать восьмого октября тысяча девятьсот сорок второго года, – коротко ответил я.

– Вот как! – оживился штатский. – А поподробней, пожалуйста?

– Долго рассказывать, да и профессиональные тонкости работы вам будут малопонятны...

– Ничего, мы с удовольствием слушаем, – прервал меня подполковник, многозначительно посмотрев на штатского. – Думаю, что нам будет даже интересно.

– Хорошо, слушайте, – согласился я. – Второй год Великой Отечественной войны был для нашей страны самым тяжелым. Осенью сорок второго года битва за Кавказ была ожесточенной. Фашисты захватили Нальчик, и тяжелые бои уже шли на подступах к Орджоникидзе. Я считаю, что именно в эти дни там решалась судьба страны. Нефть тогда добывалась только на Кавказе, месторождения в Поволжье, на Урале и в Сибири еще не были открыты. Поэтому фашисты и старались любой ценой, оседлав перевалы Главного Кавказского хребта, выйти в Закавказье и на черноморское побережье. Наши войска отходили в Закавказье через Эльбрусский район, где держала оборону горнострелковая дивизия, оседлав высокогорный перевал Донгуз-орун.

Я замолчал, подбирая слова, потом продолжил:

– Конец октября в горах – это уже зима, особенно на высоте три с половиной – четыре тысячи метров. В это время постоянно бушуют бураны и стоят сильные морозы. Перевалы через хребты часто засыпает глубоким снегом. В этих условиях стрелковая дивизия, к которой мы тогда были прикомандированы, совершала отход через хребет. Бойцы дивизии несли на

руках около пятисот тяжелораненых. Но главное, бойцы и командиры дивизии в вещмешках на спинах и на вьючном транспорте вынесли двенадцать тонн молибдена с Тырныаузского горнорудного комбината. Но и это еще не все. Бойцы сумели вывести двадцать пять тысяч голов рогатого скота из племенных совхозов.

Вообще в эти дни через хребет уходили все, кто мог передвигаться, кто не хотел оставаться под фашистами, – вспоминая тяжелые картины прошлого, сказал я. – Альпинисты горных отрядов войск НКВД и созданных позднее таких же отрядов Красной армии навешивали веревки на крутых подъемах, укладывали над большими трещинами настилы с перилами. Вообще, наши альпинисты НКВД были не только проводниками и инструкторами, но часто и просто носильщиками.

Это я насчет головорезов, – косо глянув на штатского, бросил я. Уж он точно никогда в жизни не видел, как в обледеневших горах бойцы вели под руки стариков и старух, несли на носилках детей и больных, а Саня Пинкевич нес за спиной в трофейном рюкзаке немецкого горного егеря трехлетнюю девочку.

А сколько наших ребят из спецчастей НКВД погибло в Кабардино-Балкарии еще перед началом большого немецкого наступления. Наши альпинисты взорвали тогда большую часть заготовленного немцами бензина. Поэтому немецкое наступление неоднократно откладывалось, что и дало время организовать оборону в горах. А гибли наши бойцы в основном после отхода с объекта диверсии. С той стороны ведь тоже были серьезные бойцы, а не воспитанники детского сада – солдаты горнострелковых дивизий и егеря высокогорных батальонов вермахта.

– Вы несколько отвлеклись, пересказывая нам хронику боевых действий, – подал голос подполковник.

– Я не отвлекаюсь, а отвечаю на ваш вопрос, – огрызнулся я. – Вы не хуже меня знаете, что обороной Главного Кавказского хребта руководил маршал Берия, он был главный представитель Ставки Верховного командования. В этой обстановке нашему командованию позарез нужна была информация об обстановке в районе перевала Морды, через который шла тропа в тыл эльбрусской группировки противника. Для проведения разведки на сложном горном участке был сформирован сводный разведывательный отряд. Он формировался в основном из бойцов 394-й стрелковой дивизии, прошедших альпинистскую и горнолыжную подготовку. Бойцов и командиров в отряд отбирал лейтенант Кельс, инструктор альпинистского отделения штаба Закавказского фронта. Отряд альпинистов-разведчиков должен был выйти через ущелье реки Секен на перевал Морды, создать там гарнизон и определить силы и средства противника в ущелье реки Морды. Это в тактическом тылу немецких частей, действующих в районе Эльбруса, – пояснил я молча смотревшим на меня людям. – Группой, где я, сержант войск НКВД, был заместителем командира, командовал лейтенант Берия. Лейтенант Серго Берия был из военной разведки и служил в разведотделе штаба Закавказского фронта, – пояснил я.

На меня посмотрели с интересом, ожидая продолжения рассказа, пока я, замолчав, собирался с мыслями.

– Двадцать восьмого октября мы, десять бойцов и сержантов горного отряда из Особой бригады НКВД, прибыли под Сухуми на аэродром флотской авиации. Там уже находились разведчики из штаба Закавказского фронта, и в их числе был лейтенант Серго Берия. Из нас были сформированы две сводные разведывательные группы. Командиром одной из групп и был назначен Серго Берия, а я у него стал заместителем. Там я первый раз увидел Серго и сам сначала удивился, узнав, что он сын Лаврентия Павловича. Позже я узнал, что Серго так же, как и я, окончил десятилетку в июне сорок первого. Поскольку он учился в школе с углубленным изучением иностранных языков, то свободно владел немецким языком. Но не это было главным, почему этого молодого офицера назначили командиром нашей специализированной, совершенно новой по задачам разведгруппы. А то, что он с детства интересовался физикой, точнее, ее разделами – электротехникой и радиотехникой. Говоря языком психологии, Серго

Берия был человеком с классическим техническим мышлением. Учась в средней школе, Серго, кроме того, занимался в радиошколе ОСОАВИАХИМ. Поэтому в свои семнадцать лет это уже был радист весьма высокой квалификации. После начала войны Серго, показав свои знания, добился направления в разведшколу Разведуправления Генштаба, где готовили специалистов для нелегальной работы в Германии. Интересно, что его отец, всесильный нарком, узнал об этом, когда Серго уже учился в спецшколе. Ведь дома Лаврентий Павлович первые несколько месяцев войны вообще не бывал. А его супруга Нина Теймуразовна не стала ему звонить и говорить о поступке сына. Когда Серго окончил спецшколу, получив на петлицы два кубаря¹¹, уже начиналась битва за Кавказ, и лейтенант Берия был направлен в разведотдел штаба Закавказского фронта.

– Это назначение связано с тем, что его отец руководил битвой за Кавказ? – быстро спросил подполковник.

Я недоуменно пожал плечами:

– Никогда об этом не задумывался... Вообще-то, гражданин подполковник, если бы Лаврентий Павлович хотел облегчить сыну жизнь, то точно не отправил бы его в немецкий тыл...

– В чем же состояло ваше задание? – недовольно перебил меня штатский. – И что же такого нового вы могли делать с сыном врага народа?

С трудом сдержавшись, чтобы не ответить резкостью, я сделал глубокий вдох носом и замолчал. Но подполковник, заинтересованно посмотрев на меня, молча кивнул и, обернувшись к штатскому, бросил:

– Помолчи!

«Так, значит, ты здесь главный», – выдыхая воздух через рот, машинально мысленно отметил я.

– Готовясь к нападению на Советский Союз, гитлеровская Германия очень сильно опередила нас в радиосвязи. Например, всю войну немцы применяли станции радиорелейной связи, чего не было еще ни у нас, ни у наших тогдашних союзников. Но самое главное было в том, что вся тактическая радиосвязь в вермахте, в истребительной авиации люфтваффе и между катерами на флоте была в диапазоне ультракоротких волн. В СССР, к сожалению, до войны радиостанций данного диапазона вообще не было. Более того, даже наши радиоразведчики об этом понятия не имели. Существовавшие в Красной армии радиодивизионы ОСНАЗ вели радиоперехват только в режиме коротких волн. То есть наши могли перехватывать немецкие радиogramмы уровня штаба группы армий, штабов корпусов и дивизий. Поэтому немцы на фронте в сорок первом и в сорок втором годах вели радиопереговоры в УКВ-диапазоне открытым текстом. Кстати, в частях ОСНАЗ Красной армии аппаратура радиоперехвата УКВ-диапазона появилась уже к концу войны – радиоприемники «Вираз».

– А у вас в НКВД? – с интересом спросил подполковник.

– Ну, всего, как было, точно не знаю, – я посмотрел на подполковника, – но знаю, что осенью сорок первого наши специалисты демонтировали и изучили УКВ-радиостанцию со сбитого немецкого истребителя. Еще знаю то, что Лаврентий Павлович приказал в кратчайшее время создать компактную переносную аппаратуру радиоперехвата для наших групп и отрядов, действующих в немецком тылу. Так вот, у нашей группы была именно такая аппаратура.

– Одну минуточку, Виктор Васильевич, – заглянув в какую-то бумагу на столе, подполковник обезоруживающе улыбнулся. – В школе младшего начальствующего состава особой бригады НКВД основным предметом обучения было минно-подрывное дело и тактика проведения диверсионных операций. То есть вы ни разу не радист, насколько я понимаю. Так почему же вас включили в эту группу? – впился в меня глазами подполковник.

¹¹ До введения в 1943 году погон два кубика обозначали звание «лейтенант».

Я незаметно сделал медленный вдох через нос, потом выдохнул, всем своим видом выказывая недоумение.

«А вот про Чкаловскую школу ОСОАВИАХИМ, где я учился радиodelу, ты от меня не услышишь – и не надейся», – мысленно говорю я подполковнику.

Я уже понял, что, назови я кого-нибудь, этот человек сразу может так же, как и я, быть обвиненным в связях с врагом народа. То есть со мной...

– Во-первых, каждый сержант нашей бригады готовился действовать на одну-две ступени выше должности командира отделения. Кроме умения взрывать и минировать, мы изучили штат и тактику действий немецкой армии. Нас учили тактически мыслить, в том числе и за противника. Во-вторых, в нашей бригаде каждый сержант или офицер был обязан уметь применять все вооружение группы – от снайперской винтовки до радиостанции «Север». Только, в отличие от будущих радистов, мы учились принимать и передавать на ключе только цифровой текст. На это ушло лишь несколько учебных часов в неделю. Да и это было в последний месяц нашего обучения, – глядя в глаза подполковнику, бодро отгарабанил я. – Кроме того, уже к концу октября, после четырех месяцев, проведенных в горах, я знал устройство радиостанции и умел разворачивать антенну ничуть не хуже любого штатного радиста. Кроме этого, каждый из отобранных разведчиков прошел альпинистскую и горнолыжную подготовку. Ну и все мы, и из военной разведки, и из НКВД, имели опыт прыжков с парашютом.

Здесь я, мягко говоря, слукавил. До этого в бригаде и в родном Чкалове я прыгал только с парашютной вышки.

Подполковник кивнул, удовлетворенный моим ответом.

– Ну а что было потом? – подал голос штатский.

– Быстро освоив аппаратуру и потренировавшись в разворачивании антенн, мы двое суток ждали, пока установится в горах погода. Взлет нам разрешили рано утром на третьи сутки, – начал вспоминать я. – Наша группа в двенадцать человек загрузилась в транспортный самолет ПС-84. Техники загрузили транспортные мешки с грузовыми парашютами.

Я, замолчав, боковым зрением взглянул на настенные часы. Час семнадцать. Второй час ночи... однако.

– Разрешите, – обратился я к подполковнику, посмотрев на графин с водой.

Тот кивнул, и штатский налил мне полный стакан воды.

...А тогда на взлете наш транспортник начал заваливаться на левое крыло. Но пилот выровнял самолет, и он стал набирать высоту. А земля под нами стала напоминать карту, которую мы с лейтенантом изучали, готовясь к десантированию.

Взглянув в иллюминатор, я увидел, как с одной стороны ослепительно сверкнуло на солнце Черное море. Линию горизонта скрывала легкая дымка, такая же голубая, как море и небо, и они сливались в одну большую синюю бесконечность. С другой стороны четко был виден причудливый контур горного хребта. Ледяные и фирновые грани его вершин бликовали на ярком солнце. Пройдя вдоль хребта, наш самолет вошел в ущелье Секена. Я смотрел сверху в иллюминатор, сверяясь с картой местности, которая, как на фотографии, отложилась в моей зрительной памяти. Прыгать нам предстояло на нейтральную полосу между позицией немецких егерей и участком, куда должны были выйти наши разведчики.

Прозвучала сирена, а над дверью пилотской кабины загорелась красная лампочка. Мы встали и выстроились вдоль борта.

– Пристегнуть карабины, – прозвучала команда. Зашелкали карабины, пристегивая вытяжные фалы парашютов к тросу, натянутому вдоль грузовой кабины. Вновь прозвучала сирена, и вместо красной лампочки над дверью замигала зеленая. Наш самолет шел над плоскогорьем на высоте четырехсот метров.

– Пошел! – скомандовал выпускающий, и лейтенант Берия первый шагнул в открытый люк. Один за другим ребята стали прыгать в ледяную бездну. Подошел мой черед. Оказавшись

перед открытым люком, я сделал резкий выдох, подавляя страх, и шагнул в сияющее небо. Ощувив резкий рывок, поднял глаза вверх. Купол моего парашюта раскрылся. Я взялся руками за свободные концы парашюта.

Я осмотрелся и заметил несколько выше и в стороне снайпера нашей разведгруппы. Справа от меня на парашюте опускался мягкий грузовой контейнер. Приземлившись, я по шее зарылся в рыхлый свежевывающий снег. Мои навыки в «нижнем маятнике» и умение прыгать с высоты тогда мне абсолютно не пригодились. Вылезая из сугроба, я услышал чей-то шустрый голос:

– А зимой-то с парашютом прыгать лучше, чем летом.

Барахтаясь, ребята вылезали из сугробов, отстегивая подвесную систему парашютов. Метрах в десяти от меня на кустах шиповника висел купол грузового парашюта, а из снега не переставая звенел звонок. Это идея ребят, которые во время битвы за Москву ночью прыгали в немецкий тыл. В мешки уложены обычные электрические звонки, запитанные от сухих батарей. Дешево и сердито. Поэтому все контейнеры с радиоаппаратурой, запасными батареями, горными лыжами и продовольствием мы быстро нашли. Отрезали купола и стропы от подвесных систем, они нам еще пригодятся.

Распределив всю экипировку среди бойцов, Серго дал команду спускаться с плато, на котором мы приземлились. Я тогда шел старшим головного дозора, спускаясь к тропе, которую мы хорошо рассмотрели с воздуха. Эта тропа уже была пробита нашими лыжниками. Мы знали, что по этой тропе наш разведотряд должен поддерживать связь с нашими тылами. Вскоре я заметил группу бойцов в форме наших горнострелковых отрядов. Оказалось, что они, получив радиogramму о месте и времени нашей высадки, ждали нас.

Часа через два, идя по натопанной в снегу тропе, мы прибыли в расположение разведывательного отряда. Мы знали, что командует отрядом сам начальник альпинистского отделения штаба Закавказского фронта военинженер 3-го ранга ¹² Гусев и что кроме него в отряде еще два опытных инструктора-альпиниста. Лейтенанты Хатенов и Кельс.

Леонида Кельса мы хорошо знали, он проводил с нами занятия по скалолазанию. Все бойцы отряда, как и наша группа, расположились в домиках, ранее используемых пастухами, пасшими летом овец на высокогорных пастбищах. Все разведчики отряда были великолепно экипированы, одеты в новую форму горных частей и обуты в горные ботинки с кошками. В отряде имелось необходимое количество спальных мешков, хватало таблеток сухого спирта для приготовления горячей пищи и чая. Увидели мы и новинку – два разборных домика, которые предстояло установить на нашей будущей базе. Что касается подготовки бойцов отряда, то уже через несколько дней я увидел, что действуют они не хуже разведчиков нашей бригады.

Отряд вышел в поход через сутки, рано утром, когда красный диск солнца только поднимался над горным хребтом. Передвигались в горах на лыжах, которыми все бойцы отряда хорошо владели. Лично мне до них было тогда очень далеко. На тренировках, отрабатывая быстрые спуски со склонов с крутыми поворотами, я уже поломал несколько лыжных палок, зарываясь при этом в снег. За эту порчу казенного имущества я выслушал много чего в свой адрес от нашего отрядного старшины. Была уже ясная морозная ночь, когда отряд вошел в ущелье, ведущее к хребту, через который шел перевал. Там и должен был базироваться наш отряд. Еще пара часов марша, и мы вышли на ровную заснеженную площадку. Но об отдыхе никто из нас и не думал. Боевое охранение с пулеметами расположилось на нависающих скалах, а остальные бойцы занялись оборудованием лагеря. Уже к утру были собраны и установлены домики, вырыты в снегу пещеры, по периметру выложены из камней укрытия для огневых точек. А мы в это время разворачивали и готовили к работе свою аппаратуру. Я, Саня

---

¹² Звание технического состава РККА. Данная система специальных воинских званий существовала до 1943 г. Соответствует званию капитан.

Пинкевич и Серго Берия, забравшись на вершину и сориентировавшись по компасу, развернули антенну радиостанции в сторону Тбилиси, а другую антенну, «бегущей волны», вытянули в сторону немецких позиций.

Весь следующий день бойцы отряда поочередно отдыхали и вели наблюдение с господствующих высот. А мы начали свою работу. Серго с двумя бойцами, знавшими немецкий язык, по очереди дежурили у поискового приемника, вращая маховик настройки частоты. Сначала в наушниках ничего, кроме шума, треска и свиста, не было. Но во второй половине дня мы с Пинкевичем, сидя у развернутой крупномасштабной карты, услышали радостный выкрик:

– Есть! – Это Серго нашел частоту, на которой работали радиостанции егерей. Лейтенант торопливо начал заполнять карандашом бланк радиоперехвата. Один из бойцов, глядя в бланк, негромко диктовал нам с Саней, и мы отмечали полученную информацию о противнике на карте. А к вечеру Серго Берия уже составил для разведотдела штаба фронта радиограмму о состоянии сил и средств немецких егерей. Так, посменно, мы плодотворно проработали целые сутки. За это время с нашей базы ушла в сторону перевала Морды разведывательная группа под командованием лейтенанта Кельса. В последней полученной нами радиограмме был приказ – выяснить, есть ли там противник.

Я в тот вечер дежурил на радиостанции «Север». Вообще, когда выяснилось, что в ОСО-АВИАХИМе меня подготовили не хуже омсбоновских радистов, это стало моим основным рабочим местом. Штатный радист нашей группы физически не мог один сидеть целые сутки у рации, а Серго тогда по двадцать часов в сутки слушал немцев или обрабатывал полученную информацию. Он даже ел, не отходя от поискового приемника.

– Товарищ капитан! – Серго сбросил наушники и подскочил к сидящему возле карты командиру отряда Гусеву.

Я сразу понял, что случилось что-то непредвиденное.

– Немецкое боевое охранение докладывает на ротный опорный пункт об обнаружении нашей разведгруппы. Эх, если бы у нас с Кельсом была радиосвязь, – вырвалось у Серго.

– Сейчас уже темно. Ни наши ночью наверх не полезут, ни немцы вниз не пойдут. Значит, время у нас еще есть помочь нашим. Самое страшное будет, если немцы заложат в снегу наверху взрывчатку и в момент подъема наших подорвут ее, вызвав лавину. Мы выходим через час, а ты, Серго, со своими слушай эфир, от немцев все точно узнаешь, – с усмешкой закончил Гусев. – Лейтенант Хатенов с основными силами позже пойдет за нами.

Даже не знаю, что меня тогда дернуло.

– Товарищ капитан, возьмите меня с собой. Я минер, сам такие штуки проделывал и, если что, смогу найти заложенный немцами заряд и линию управления.

Гусев озабоченно посмотрел на нашего лейтенанта. Вопрос читался в его глазах.

– Ладно, собирайся, сержант, – Серго махнул мне рукой.

Вдесятером под командованием самого Гусева мы вышли из лагеря. На санках везли крупнокалиберный пулемет с запасом патронов. Но, как мы ни спешили, до рассвета так и не успели подняться к перевалу. А когда остановились передохнуть, то увидели, как по кулуару¹³ цепочкой поднимались наверх наши бойцы, а выше на снежном склоне уже появились немецкие лыжники. Ловко поворачивая, они скатились к скалам, сняли лыжи и залегли между присыпанных снегом камней. Появилась еще одна группа егерей, за ней шла следующая. Я оценил, как егеря отлично владели лыжами. Расчертив склон узорами лыжных следов, все подразделение, чуть меньше взвода, быстро спустилось к скалам и заняло позицию. Они нас еще не видели.

Очередь нашего ДШК и выстрел из ракетницы прозвучали одновременно с выстрелами карабинов егерей. Я четко видел, как упал первый в нашей колонне поднимающихся,

---

¹³ Кулуар – поперечная низина, небольшое ущелье, расположенное под углом к горному хребту.

потом еще двое. Остальные разведчики, быстро сориентировавшись, бросились за скалы. Наша группа, вместе с санками, на которых стоял пулемет, на лыжах побежала к перевалу. Мы двигались, пока вокруг нас не засвистели пули. Пока немцы сконцентрировали весь огонь по нам, наши товарищи смогли укрыться среди камней. А к нам на помощь стали подходить бойцы под командованием лейтенанта Хатенова.

Мы стреляли по немцам, а они стреляли по нам, бой переходил в вялотекущую перестрелку. Вдруг из-за скалы в кулуаре выскочил лыжник и с нарастающей скоростью помчался вниз. Такой высший пилотаж был под силу только лейтенанту Кельсу. Мы усилили огонь, не давая фашистам прицельно стрелять. Но вскоре по рискованному горнолыжнику заработал пулемет. Пули взметали вокруг него снежные фонтанчики. Кельс летел боком к склону. Впереди него был огромный обрыв. Я, перестав стрелять, затаил дыхание. Либо очередь в спину, либо лейтенант сейчас улетит в пропасть...

Этому повороту Кельса мог бы позавидовать самый опытный слаломист. На огромной скорости он развернулся у самого края обрыва. Только снежная пыль взметнулась за его спиной. Через мгновение он подлетел к большому камню, наехал на него и кубарем полетел вниз в нашу сторону. Быстро выбравшись из сугроба, он откопал из снега слетевший с плеча автомат и стал стрелять по противнику. И тут я с ужасом и восхищением увидел, как из кулуара мчатся еще три лыжника, и вся тройка через секунды синхронно выполнила самый сложный поворот и вышла из-под огня противника. Как позже оказалось, остальные, менее опытные бойцы, прижимаясь к скалам, сумели спуститься вниз по глубокому снегу. Это лейтенант Кельс, мгновенно сориентировавшись, разделил, исходя из горнолыжной квалификации, бойцов на две группы и каждой дал свой маршрут отхода, вернее, спасения ¹⁴.

Все это вихрем пронеслось в моей памяти с фотографической точностью за то время, пока я медленно пил холодную воду из большого стакана.

– Ну и как, выполнила ваша разведывательная группа свое задание? – с интересом посмотрел на меня подполковник.

– Так точно, – автоматически ответил я.

– Мы хотели бы знать все подробности касательно деятельности Серго Берии в это время и чем вы все там занимались, – подал голос штатский.

Я вопросительно посмотрел на подполковника, и он молча кивнул.

– За полтора месяца действий на линии боевого соприкосновения в тактическом тылу противника мы полностью вскрыли и определили особенности тактической радиосвязи немцев в горах. Радиосвязь от командного пункта батальона до командно-наблюдательных пунктов горно-егерских рот осуществлялась на ультракоротких волнах. Радиоволны в этом диапазоне распространяются исключительно по прямой. То есть через преграду, такую как горный хребет, они не проходят. Поэтому на равнине дальность действия таких радиостанций максимум тридцать пять – сорок километров. Но в горах немецкие радисты, используя систему пассивных ретрансляторов, обеспечивали устойчивую радиосвязь на вдвое большие расстояния. Подчеркиваю – устойчивую связь в радиотелефонном режиме.

– Как это, поясните нам, Виктор Васильевич, попонятней, – улыбнулся подполковник.

– Все очень просто, как и все гениальное. На господствующих высотах егеря ставили металлические листы... Соответственно их разведгруппа или взводный опорный пункт перед входением в связь ориентировали антенну на гору с ретранслятором. Дальше – радиоволна отражается от железного щита, и за много десятков километров немецкий командир слушает доклад подчиненных без всяких искажений и тресков в эфире ¹⁵.

---

¹⁴ Это реально произошедший боевой эпизод.

¹⁵ В годы первой и второй чеченских кампаний данный вариант связи часто применяли боевики под руководством английских инструкторов.

– Ловко, – пробормотал подполковник.

– Мы долго не могли понять, как немцы устанавливают УКВ-связь на восемьдесят и более километров. Это Серго додумался, он голова по части радиотехники. Еще, применительно к этому диапазону, УКВ-связь менее подвержена радиоперехвату, чем наша тогдашняя коротковолновая.

Я помолчал, вспоминая те события.

– И еще одна специфика УКВ-радиосвязи в горах. Мы поначалу это тоже не могли понять. А вот немецкие егеря это хорошо знали и великолепно использовали. Я говорю о явлении сверхпроводимости.

– Это как? – посмотрел на меня штатский.

– Не забивай голову, тебе это не нужно, – снисходительно перебил его подполковник.

Я медленно заговорил, подбирая наиболее понятные технические термины:

– В горах, да и на равнине, реки и ручьи могут являться естественными волноводами, вдоль которых, как по проводам, может распространяться электромагнитная энергия данного радиодиапазона. Соответственно, если правильно рассчитать на карте и расположить две УКВ-радиостанции на берегу горной реки или ручья, то связь может быть установлена на сто и более километров. В идеале, конечно, река должна течь по прямой, чтобы не было углов закрытия... Это тоже из всех нас только лейтенант Берия понял. Уже потом, по результатам нашей работы, появились инструкции для частей ОСНАЗ. Кое-где, на Ленинградском фронте, точно знаю, в радиодивизионах появилась УКВ-аппаратура. Когда мы шли в наступление, с этой аппаратурой работали радиоразведчики. Они использовали ее либо на линии фронта, либо в тылу противника, действуя в составе разведывательных групп и отрядов. Вообще, результаты нашей работы здорово пригодились через два года при освобождении Югославии.

– Орден Красной Звезды вам за это был вручен? – спросил подполковник.

– Как говорится, по совокупности, – пожал я плечами. – Много чего там, на Кавказе, было...

– Так это сам Лаврентий Берия вам орден вручал? – подал голос штатский.

– Ну, кроме меня там более чем хватало отличившихся бойцов и командиров, которых награждали в штабе фронта в начале февраля сорок третьего года. Вполне естественно, что вручал награды представитель Ставки Верховного Командования.

– В числе награжденных был тогда Серго Берия?

– Конечно. Как и вся наша группа. Те, кто остался в живых, – сказал я. – Все были награждены орденами и медалью «За оборону Кавказа». Всех офицеров повысили в званиях, да и сержантов тоже, – добавил я, вспомнив, что весной сорок третьего я стал старшиной.

– Что еще можете сказать о Серго Берии. Чем он потом занимался?

– Вы ведь не хуже меня знаете, что в разведке и контрразведке не принято интересоваться, чем занимаются другие, – улыбнулся я. – Знаю, что после Кавказа Серго работал в Иране. Во время Тегеранской конференции занимался радиоперехватом разговоров англичан и американцев.

– Как это, он шпионил против наших союзников? – штатский удивленно посмотрел на подполковника.

– Помолчи, – бросил тот. – Продолжайте, Виктор Васильевич.

– Еще знаю, что Серго выполнял разведывательное задание в Северной Африке. После этого поступил в Военную академию связи в Ленинграде. Уже учась в академии, продолжал выполнять задания разведки Генштаба. В сорок четвертом в составе оперативной группы военной разведки был десантирован в тыл противника на территорию Словакии. После выполнения задания вместе с партизанами выходил с боями к нашим. Уже после войны, окончив академию, Серго ушел из разведки и занялся конструированием ракет. Но только на нашей последней встрече я узнал, что орден Ленина и Сталинскую премию Серго получил за создание пер-

вой нашей противокорабельной ракеты ¹⁶. Это настоящий боевой офицер, вполне заслуженно получивший досрочно очередные воинские звания и ставший полковником в двадцать девять лет, – твердо закончил я.

– Так-так, – соглашаясь со мной, кивнул подполковник и в очередной раз заглянул в свою бумагу. – А как вы в таком случае объясните факт, что при обыске в доме, принадлежащем семье Берии, в комнате инженер-полковника Берии была обнаружена портативная радиостанция. По заключению наших экспертов, с ее помощью можно поддерживать связь с Лондоном, – подполковник ехидно посмотрел на меня.

Несмотря на всю серьезность ситуации, я фыркнул, с трудом сдерживая рвущийся из груди истерический смех.

– Что вы себе позволяете, Черкасов? – повысил голос штатский.

– Отправьте ваших экспертов подметать улицы Москвы, там им будет самое место.

– Не паясничайте, Черкасов. Поясните, что вы имели в виду, – нахмурился подполковник.

– Как я уже говорил вам, Серго Берия высококлассный радист и радиоинженер. Чтобы не терять квалификацию, он собрал радиотренажер, на котором отрабатывает передачу телеграфным ключом и прием текста на слух. Видел я эту конструкцию. Кроме того, вы, как профессионал, понимаете, – я решил польстить подполковнику, – что сигналы коротковолнового передатчика были бы мгновенно запеленгованы нашей радиоконтрразведкой. Это вам не УКВ-диапазон.

– Поясните, что вы имели в виду, – явно озадаченно произнес подполковник.

– Радиоволны коротковолнового диапазона, излучаясь в эфир, отражаясь от ионосферы, огибают весь земной шар. Поэтому радиостанции этого диапазона используют для связи на дальние расстояния. Ионосфера – это оболочка вокруг Земли, – пояснил я, перехватив вопрошительный взгляд допрашивающего. – Кстати, в горах бывало так, что мы со своей коротковолновой рацией не могли связаться на то расстояние, на котором устанавливали связь менее мощные УКВ-передатчики немцев.

– То есть если бы коротковолновой передатчик вышел в эфир, то он был бы мгновенно запеленгован...

– И данные об этом должны бы быть в службе радиоконтроля УМВД по Москве и Московской области, – посмотрел я в глаза подполковника.

– Хорошо, оставим этот вопрос, – произнес подполковник, недовольно посмотрев на штатского. Тот отчего-то виновато съехался.

– Расскажите нам, о чем вы говорили с Лаврентием Берием, находясь у него дома?

– Да как бы и ни о чем. Поздоровался со мной Лаврентий Павлович... Про семью еще спросил, ну и сказал, что напрасно нашу часть после войны расформировали, что придется наверстывать упущенное, – я снова посмотрел в глаза подполковнику. Тот ничего не ответил.

В действительности все было не совсем так, но я не хотел рассказывать, как Лаврентий Павлович дотошно и весьма профессионально расспрашивал меня о захвате американского вертолета. И то, что, прощаясь, он обнял меня... Как будто смерть свою рядом чувствовал... Такое бывает на войне, включается так называемое шестое чувство у людей, долго ходивших под Богом. Одиннадцать лет назад, награждая нас в Тбилиси, он выглядел и говорил совсем по-другому. Хотя это и не удивительно. Я знал, что рабочий день министра Берии составляет двадцать, в лучшем случае восемнадцать часов. И так уже многие годы. С сорок пятого года, кроме руководства спецслужбой, Лаврентий Павлович создавал и руководил Атомным проектом. Трудно поверить, что один человек может быть одновременно талантливым полководцем, опытным разведчиком и контрразведчиком, а еще разбираться в вопросах ядерной физики.

---

¹⁶ Противокорабельная ракета «Комета» была принята на вооружение в 1950 году.

Ведь если бы не он, то не было бы у нас атомной бомбы уже через четыре года после окончания самой страшной в истории человечества войны.

– С кем вы еще общались, находясь в этом доме? С кем еще знакомы в семье Берия?

– Знаю Нину Теймуразовну, мать Серго... Супругу Лаврентия Павловича, – пояснил я штатскому. – Естественно, видел ее и поздоровался с ней так же, как и с Марфой, женой Серго. Марфу в тот вечер я больше не видел. Она была в положении и, видимо, не очень хорошо себя чувствовала. Двух дочек Серго трех и пяти лет я не видел...

– Ладно, это оставим. Теперь расскажите нам о целях и задачах вашей формируемой бригады Особого назначения, – заговорил подполковник.

– Насколько мне известно, приказ о создании Особой бригады появился в мае, после совещания, на котором присутствовал начальник ГРУ ГШ генерал Захаров, от разведки госбезопасности генерал Судоплатов и командующий Дальней бомбардировочной авиацией маршал Голованов. Обсуждался вопрос о нейтрализации американского стратегического превосходства в воздухе и недопущению ядерных ударов по нашим городам... Как они это планировали во время корейской войны... Маршал Берия приказал разработать планы проведения диверсий на всех ядерных и стратегических объектах НАТО в Европе. Причем речь шла не только об аэродромах стратегической авиации, но и о военно-морских базах. То есть то, на что должен был быть нацелен наш отряд. Диверсии на военно-морских базах и в европейских портах в случае начала боевых действий могли предотвратить переброску тяжелого вооружения и боеприпасов с континентальной части США. Речь шла о крупных портах в Германии, Франции и Италии. Кроме того, используя тактику итальянских боевых пловцов, мы планировали проведение подводных диверсий против американских авианосных ударных групп. Действуя на территории противника, мы должны были взаимодействовать с нелегальными резидентурами. Да и сами бойцы наших групп должны были уметь действовать в Европе с агентурных позиций, легендируясь под западноевропейцев, если надо... Для переброски групп нашего отряда планировалось использовать подводные лодки и оборудованные поплавками, как у гидросамолетов, планеры Г-11.

Поймав вопросительный взгляд подполковника, я пояснил:

– Планеры с группой водолазов-разведчиков специальным оружием и снаряжением должны были буксировать транспортные самолеты... Ну, типа «Ли-2». Не входя в зону корабельного дозора военно-морских баз, чтобы исключить обнаружение корабельными РЛС, транспортник должен был отцепить планер. Далее, после приводнения, на надувных шлюпках бойцы должны были скрытно выходить к объектам диверсий.

– Это что, они должны были грести веслами несколько десятков километров? – недоверчиво спросил подполковник.

– Нет, для шлюпок должен был быть создан специальный малошумный двигатель. Ну и мачта с парусом. Такая вот парусно-моторная шлюпка. Естественно, что переход планировался ночью, – пояснил я.

Подполковник кивнул, удовлетворенный моим ответом.

– А что вам известно о задачах других подразделений бригады?

Я пожал плечами.

– Немного. Знаю то, что группы, предназначенные для работы по американской стратегической авиации в Европе, должны были обездвижить самолеты без прямых нападений на вражеские аэродромы.

– Как это?

– Диверсии на хранилищах авиационного топлива. Если не ошибаюсь, в Австрии, в районе Инсбрука, находятся крупнейшие американские склады ГСМ. Это еще мы в Великую Отечественную поняли...

– Ну что же, вроде бы почти со всем разобрались, – подполковник заговорил подчеркнуто доброжелательно.

– Пожалуй, даже излишне, – машинально отметил я.

– Скажите, Виктор Васильевич, а как вы восприняли то, что вскоре после окончания Великой Отечественной начались репрессии против заслуженных военачальников? Этим ведь занимались органы государственной безопасности. Например, маршал Жуков был снят с должности заместителя министра обороны и главнокомандующего сухопутными войсками. И он такой не один. Пострадали многие заслуженные генералы и старшие офицеры. Вы, как фронтовик, прошедший Великую Отечественную и советско-американскую войну, что на это скажете? – допрашивающий остро посмотрел мне в глаза.

Я сделал глубокий вдох, вспоминая все, что мне в отпуске рассказывал Саня Пинкевич. В том числе и про обыск на даче маршала Жукова пять лет назад.

«Знаешь, Витек, даже бывалые опера, проводившие обыск, тогда удивились, – рассказывал Пинкевич. – У него на подмосковной даче, в поселке Рублево две большие комнаты были превращены в склад. Разных тканей, вроде шелка, парчи и бархата, несколько тысяч метров, мехов, от собольих до обезьяньих, несколько сотен. Вещей из золота несколько килограммов. Но это еще не самое дорогое оказалось, – Саня при этом многозначительно взглянул на меня. – Больше полусотни дорогих картин, которые после изъятия передали в музеи... А началось все это в январе сорок пятого, когда был издан приказ о том, что военнослужащие Красной армии могут отправлять посылки с территории Германии. В приказе, правда, говорилось о бесхозном и брошенном добре... Разрешалось посылать одну посылку в месяц: солдатам до пяти килограммов, офицерам до двадцати. Вот про генералов только там ничего не говорилось, – усмехнулся Саня. – Были такие, что даже не машинами, а поездами и самолетами отправляли. Кстати, Жуков тогда в этом здорово отметился. Не сам, конечно, а его сподручные, всякие там адъютанты с порученцами. И когда новый министр, Абакумов ¹⁷, за это дело взялся, то многие головы и полетели», – закончил тогда свой рассказ Саня.

Вдруг меня осенило! Так, значит, руками обиженных и был произведен военный переворот! Думай, товарищ каплейт, но лишнее тебе сейчас говорить нельзя!

Улыбнувшись, я с самым простецким видом посмотрел на допрашивающего.

– Ну, во-первых, я не адмирал, не генерал, а всего лишь младший офицер. Всего знать не могу... А то, что болтают... – я с самым невинным видом пожал плечами.

– И что же болтают? – заинтересованно посмотрел на меня подполковник.

Эх, была не была! Сыграю под дурачка.

– В Корею я это слышал, на нашей авиабазе, в курилке кто-то рассказывал... В общем, уже после сорок пятого года один генерал-полковник докладывал Верховному о положении дел во вверенных ему частях и соединениях. Слушая доклад, Верховный главнокомандующий одобрительно кивнул и выглядел очень довольным. Окончив доклад, генерал замялся. Сталин его спросил:

«Вы хотите еще что-либо сказать?»

«Товарищ Сталин, у меня к вам личная просьба, – вымученно выдавил военачальник. – Я привез из Германии кое-какие личные вещи, но на контрольно-пропускном пункте их задержали. Если можно, я попросил бы вернуть мне мое имущество».

«Это можно, – Сталин холодно посмотрел на просителя. – Напишите рапорт, я наложу резолюцию».

Генерал-полковник вытащил из кармана заранее заготовленную бумагу. Верховный черкнул несколько слов. Проситель начал благодарить.

«Не стоит», – коротко бросил ему Сталин и отвернулся.

¹⁷ Генерал-полковник Абакумов в годы ВОВ глава контрразведки «Смерш» НКВД.

И тут генерал прочитал написанную на рапорте резолюцию: «Отдать полковнику его барахло. И. Сталин».

«Тут описка, товарищ Сталин», – начиная понимать, что произошло, проситель с теплейшей надеждой посмотрел на Верховного.

«Да нет, тут все правильно написано. Вы свободны, товарищ полковник», – холодно ответил главнокомандующий.

Подполковник совершенно добродушно рассмеялся. Глядя на него, вымученно улыбнулся и штатский.

– Виктор Васильевич, я надеюсь, мы пойдем друг друга. Вы уже поняли, что у нас с вами был не допрос, а, так скажем, – подполковник замолчал, подыскивая слова, – непринужденная дружеская беседа. Видите, что никто не вел протокол допроса. Сейчас мы закончим наше общение, и вас отведут в камеру. Там я вам настоятельно советую подумать. Не только о себе, – жестко посмотрел на меня подполковник. – У вас ведь жена работает учительницей и маленькая дочь должна пойти в школу. Не хотелось бы, чтобы они стали родственниками врага народа.

На миг у меня потемнело в глазах. Допрашивающий ударил в самую болезненную точку. Я невольно сглотнул появившийся в горле комок. Перед глазами встали Айжан и Маша. Заметив это, подполковник хищно улыбнулся и продолжил:

– Настоятельно советую рассказать на допросе все, что вы знаете о подготовке антипартийного и антигосударственного переворота. К тому же следствие обладает всей полнотой информации о Берии, Судоплатове и Эйтингоне. А вам зачем их покрывать?

Подполковник снова дружески улыбнулся:

– А когда во всем разберутся, снова поедете служить на Тихий океан. Хотя, если захотите, можно будет перевестись служить и на Черное море. У вас ведь, насколько я знаю, в Корее было тяжелое ранение легкого?

Чувствуя себя опустошенным, молча кивнул.

* * *

Лежа на жесткой койке, я отрешенно смотрел в потолок, под которым тускло горела лампочка. Сон не шел, несмотря на усталость. Мысли тяжело ворочались в моей голове. Эх, если бы можно было вернуть то время, что было еще несколько дней назад. Когда я был не подследственным, а заслуженным офицером с орденской колодкой на груди. А еще лучше раньше, когда мы с Айжан и Машей гуляли по каменистой набережной Урала в Чкалове. И почему отпуск всегда пролетает так быстро? А может, лучше оказаться в босоногом детстве? Помню, как я летом в колхозной конюшне запрягал старого мерина Ваську. Я тогда надел хомут и подвязывал гужи к дышлам, а Васька взбрыкнул и наступил мне на ногу... Чуть не отдал тогда пальцы на левой ноге...

– Подследственный, встать. Днем спать и лежать запрещается, – вернул меня из забытья голос надзирателя.

После скудного тюремного завтрака, сидя на табурете, я заставил себя думать и вспоминать все то, что рассказывал мне Пинкевич про армейских генералов и что в сердцах при мне говорил генерал Павел Анатольевич Судоплатов Науму Исааковичу Эйтингону. Я тогда только приехал в Москву и зашел в кабинет на Лубянке доложить о прибытии. Как положено, постучав, я вошел в просторный кабинет начальника управления и, вскинув руку к фуражке, четко доложил Павлу Анатольевичу о прибытии. Кроме него в кабинете тогда были генерал Эйтингон и полковник Серебрянский. Я сразу понял, что им всем сейчас точно не до меня.

– Да пойми ты, Яша, что Булганин совершенно не военный человек. Какой-нибудь командир стрелкового батальона больше него понимает в тактике и оперативном искусстве. Когда я с

ним первый раз пообщался на совместном совещании с начальником ГРУ ГШ и Разведуправления Главного Морского штаба в Кремле, то мне просто жутко стало. Он понятия не имеет, что такое развертывание сил и средств, степени боевой готовности и стратегическое планирование. А я-то, грешным делом, начал ему втолковывать, что диверсии на тыловых складах ГСМ и авиационного вооружения гораздо важнее, чем атака американских аэродромов. Так он на меня как баран на новые ворота посмотрел.

– Паша, а что ты еще хочешь от бывшего партийного работника? Он ведь в армии только политической пропагандой занимался.

– Ну а министром обороны он стал только благодаря Хрущеву. Это его человек. Ну а кроме того, – усмехнулся генерал Эйтингон, – он алкоголик и питает большую слабость к балеринам и певицам из Большого театра. Это по сообщениям агентуры. А ты ему про какое-то стратегическое планирование и диверсии... – Наум Исаакович махнул рукой. – В тридцатые годы, когда Хрущев был первым секретарем Московского горкома партии, Булганин занимал должность председателя Моссовета.

– Павел Анатольевич, я думаю, вопрос об отборе офицеров, сержантов и старшин в нашу бригаду надо обговаривать только с генералом Захаровым, начальником ГРУ, – подал голос Серебрянский.

– И еще с адмиралом Бекреневым¹⁸, – добавил Эйтингон и только тут посмотрел на меня. А я стоял тогда навтыяжку возле двери, как мышь на кошачьей свадьбе, прекрасно понимая, что сейчас услышал то, что никак не положено знать младшему офицеру. Как говорится, меньше знаешь – крепче спишь.

Так, значит министр обороны Булганин – человек Хрущева, а многие генералы держат зуб на министра Берия за то, что у них в свое время отобрали награбленное барахло. А ведь многих выгнали из партии и из армии, а не просто понизили в должности, как Жукова. Понятно, что все они, мягко говоря, не испытывают симпатий ни лично к Лаврентию Павловичу, ни ко всем нам, кто служит в войсках и органах МВД. Ну а после смерти товарища Сталина, как это всегда и везде бывает, началась борьба за власть. Это я хорошо помню. Благо нам в институте хорошо преподавали историю... А такой злопамятный человек, как Жуков, не забыл, как пришлось писать объяснительные про награбленные ценности.

Значит, человек Хрущева... Хрущев... А ведь мне про него много рассказывал Пинкевич, порой закипая от ненависти. Было это во время отпуска, еще перед командировкой в Корею. Мы тогда сидели с удочками на берегу небольшой речки вдвоем.

– Знаешь, что этот гад по пьянке ляпнул? – Саня посмотрел мне в глаза. – Я, говорит, Сталину и Берии смерть сына никогда не прощу. Это наш осведомитель из его домашней прислуги сам слышал. А как он Россию и русских ненавидит, не хуже любого эсэсовца из дивизии «Галичина». Все с ним ясно – троцкист недобитый... И куда только товарищ Сталин смотрит, – тяжело выдохнул Пинкевич.

– погоди, Саня, объясни толком. Он же сам русский из Курской губернии родом. Ты сам только что говорил. И что вырос он в рабочем поселке в Донбассе. А что случилось с его сыном? Объясни толком.

– Да прирезали нашего гада в лесу тогда, как барана, – зло сплюнул Пинкевич.

– Саня, ты не психуй, а толком расскажи, – я отвернулся от блестящей ряби воды.

– Ну, в общем, так, – начал рассказывать Пинкевич, поглядывая на поплавки удочек и периодически выбрасывая на берег то карасиков, то плотву, а один раз – колючего ерша. Я укладывал эту добычу в ведро, а об дергающегося ерша до крови расцарапал руку.

Рассказ Пинкевича звучал так.

---

¹⁸ Контр-адмирал Бекренев в это время возглавлял Разведывательное Управление МГШ.

– К началу Великой Отечественной войны старший сын Хрущева Леонид имел звание старшего лейтенанта Военно-воздушных сил. В тысяча девятьсот сорок втором году после излечения в госпитале он поправлял здоровье в санатории ВВС под Куйбышевом на живописном берегу Волги. Ну а когда заслуженные фронтовики оказываются на отдыхе, как тут обойтись без горячительных напитков... Ну и, само собой разумеется, в компании с прекрасной половиной человечества, – усмехнулся Пинкевич, потроша рыбу и бросая ее в закипающую в ведре воду.

Я же, внимательно слушая Сашку, надергал растущей по берегу осоки и бросил в костер. Солнце уже почти зашло, и в воздухе замельтешили комары. Пинкевич поморщился от дунувшего на него белого дыма и продолжил рассказ:

– В общем, когда вся честная компания хорошо набралась водочки и коньяка, Леонид Хрущев решил показать свое искусство в стрельбе из пистолета. Своей даме из числа девушек-военнослужащих поставил на голову яблоко и достал пистолет. Она, как ты понимаешь, тоже уже хорошо была под хмельком, если согласилась, чтобы ее голова была подставкой для мишени. Пить надо меньше, а больше закусывать... Живой бы осталась.

Саня замолчал, бросая в закипавшую уху почищенные мной корни рогоза ¹⁹.

– Ну а дальше-то что? – не выдержал я.

– Понятно, что... Дырка в башке у этой дуры, – хмыкнул Пинкевич. – Но если ты думаешь, что Леонид Хрущев после трибунала поехал искупать свою вину кровью в штрафной батальон, то глубоко ошибаешься, – глядя на пламя костра, глухо проговорил Пинкевич. – Его папаша в это время был членом Военного Совета то ли на Южном, то ли на Юго-Западном фронте. Большой человек, одним словом. Уж не знаю как, но он сумел это дело замять. Ну а Леониду все-таки пришлось отправиться на фронт. Ну а там, я точно не знаю, – Саня поворошил палкой в костре, – то ли летчик-истребитель Хрущев был сбит в воздушном бою, то ли сам перелетел к немцам. В общем, он сразу предложил немцам свои услуги, – добавил Пинкевич, снимая закопченное ведро с ухой с толстой палки из орешника, уложенной на две рогатины по краям костра. – Эх, жаль, Витек, крышки у нас нет. Сейчас в уху комарье и мошка набьется...

– Да хрен с ней, с мошкой, ты дальше рассказывай, – я требовательно взглянул на Пинкевича.

– Да чего там рассказывать... Немцы стали его возить на машине с громкоговорителем вдоль линии фронта, а он агитировал наших бойцов сдаваться.

– Да, это не Яков Джугашвили, сын товарища Сталина, – вырвалось у меня.

– Яблочко от яблони недалеко падает, – согласился Саня. – Так вот. Руководству нашего четвертого управления была поставлена задача – выкрасть младшего Хрущева и доставить в Москву.

В общем, задействовали всю зафронтовую агентуру: и нашу, и военной разведки... Радиоразведка тоже хорошо поработала. В общем, довольно быстро вычислили место, где немцы держали Хрущева-младшего между его поездками на фронт. Наша омсбоновская группа была десантирована для захвата предателя. Поскольку в его окружение уже была внедрена наша агентура, все прошло как по маслу.

– Картошку-то будем печь? – вдруг сменил тему разговора Сашка.

– Да ладно, куда тебе еще, вон ухи целое ведро, – удивился я.

– Ну да, – согласился Пинкевич и продолжил: – В общем, вывезли этого гада в лес, расчистили поляну под взлетно-посадочную площадку и отстучали радиogramму в Москву. Мол, готовы принять самолет для отправки предателя в Москву. А в ответной радиogramме было

---

¹⁹ Рогоз – высокое травянистое растение, растущее у воды. В корнях содержится большое количество крахмала. Корни можно использовать вместо картофеля – варить и запекать.

сказано, что нечего всякую мразь в Москву везти, судите его на месте...²⁰ Вот так оно было, Витек. Мне это мой земляк, радист этой группы, рассказывал. А уже потом, когда после Западной Украины я в военной контрразведке служил, то слышал, что лично товарищ Сталин приказал так ответить.

Несколько минут я ошеломленно молчал, не в силах поверить в услышанное.

– Саня, так ведь сейчас этот Хрущев член Президиума Центрального Комитета партии. Как же эта вражина так высоко забралась?

Пинкевич в ответ лишь горько усмехнулся и развел руками.

– Генерал Серов²¹, замминистра госбезопасности, это тоже его человек... Как и министр обороны, – чуть подумав, добавил Саня. – Ладно, давай уху есть. Ты как насчет ста граммов?

Сашка достал из вещмешка армейскую флягу с чехлом из сукна.

– Ладно, наливай, – махнул я рукой – после всего услышанного тогда говорить больше ни о чем не хотелось.

Как еще выразился про Хрущева Саня? Троцкист недобитый...

Я встал с табурета и начал вспоминать, что об идеях Троцкого нам говорили в институте. Как я тогда понял, фактически в рамках одной партии большевиков в двадцатые годы существовали минимум две враждебные фракции. Одна, под руководством товарища Сталина, объявила о построении социализма в отдельно взятой стране – России. Сталинский социализм должен был улучшить жизнь трудящегося человека. А значит, строить детские сады, школы и библиотеки. Ликвидировать безграмотность в России, где восемьдесят процентов взрослого населения в 1917 году не умело читать и писать. И после восстановления разрушенного Первой мировой и Гражданской войной хозяйства строить новые заводы, фабрики и железные дороги. Сделать страну экономически независимой от Запада. Автаркия – вспомнился мне научный термин, полная независимость экономики. А что предлагал Троцкий с его «мировой революцией»? Для этого он и прибыл в восемнадцатом из Америки в охваченную революцией Россию. Социализм в отдельно взятой стране невозможен... Все силы страны должны быть брошены на строительство мощной Красной армии, а она понесет революцию в Европу на острие своих сабель и штыков. Ни о какой ликвидации безграмотности и восстановлении промышленности и сельского хозяйства в России не может быть и речи. Более того, как и при царе, страна должна быть источником дешевого сырья для Англии и Америки, а русские красноармейцы должны были уничтожить экономических конкурентов заокеанских дельцов в Европе. Россия должна была по этому плану быть принесена в жертву во имя господства англосаксов. Как же тогда сказал товарищ Сталин? Я напряг память, меряя шагами свою камеру. «Оппозиция думает, что вопрос о строительстве социализма в СССР имеет лишь теоретический интерес. Это не верно. Это глубокое заблуждение»²². Да и весь русский народ для Троцкого был просто быдлом. В лучшем случае дрова для «пожара мировой революции». И после высылки из СССР Троцкий и его последователи в нашей стране вредили, как могли. Не зря их опекали почти все западные разведки. И свои ордена за ликвидацию Троцкого в Мексике перед войной генералы Судоплатов и Эйтингон получили не зря.

А галицийский нацизм и ненависть ко всему русскому... Что я об этом знаю? А то, что мамаша хорошего сыночка воспитала, да и ее муженек, русский мужик из-под Курска, только в украинской вышиванке ходит. Как там в сказке сказано?.. Муж в семье – это голова, а жена – это шея, и куда она повернет, туда голова и смотрит. А как же наши-то все проглядели – Смерш, НКВД, НКГБ?.. Жена Хрущева ведь с Западной Украины... Этим ведь все и сказано.

---

²⁰ После прихода к власти Хрущева был сочинен миф о героической гибели Леонида Хрущева в воздушном бою.

²¹ В 1962 году генерал армии Серов, будучи главой ГРУ ГШ, был отдан под суд. Обвинен в восстановлении в военной разведке ранее уволенного агента английской разведки полковника Пеньковского. Лишен звания Героя Советского Союза и разжалован до генерал-лейтенанта.

²² И. Сталин. Собрание сочинений, том. 9, стр. 37.

«Отставить эмоции, товарищ капитан-лейтенант! – дал я себе команду. – Давай лучше историю вспоминай и думай, что можно делать. Здесь и сейчас». История была моим любимым предметом в институте. По совету пожилого профессора, нашего преподавателя, сторонника идеи евразийства, я прочитал многое, не входящее в программу. «История – это не наука о прошлом, это наука о настоящем и будущем», – часто повторял наш преподаватель. Пожалуй, надо начать с того времени, когда и слова-то такого не было – «национальность». Но именно с тех времен – с тринадцатого и четырнадцатого веков тянутся корни галицийского, а уже в нашем двадцатом веке и украинского национализма. Хотя, вернее будет сказать нацизма, мысленно поправил я сам себя.

Тогда, около тысячи лет назад еще домонгольская Русь состояла из множества славянских племен: кривичи, поляне, дреговичи, тиверцы, вятичи, древляне... Но кроме славян в лесах жили финно-угорские племена – меря, весь, чудь. В степях, где оседло на берегах крупных рек, занимаясь в основном рыболовством, а где кочуя, жили тюркские племена торков и берендеев. Принятие князем Киевским Владимиром православного христианства как государственной религии сплотило эту славяно-финно-угорско-тюркскую общность. Именно этот мудрый выбор князя Владимира еще через несколько веков приведет к рождению русского народа. В те далекие времена, встречаясь, люди спрашивали не национальность, это понятие появится в Европе только после буржуазных революций, а кто ты по вере? Ответом могло быть – правоверный, то есть мусульманин, католик, то есть западноевропеец, или православный. Причем уже позже православные русичи, говорившие кто-то по-мерянски, кто-то на тюркских языках, искренне считали себя единым народом. Именно православие отделило восточных славян от западных, принявших католичество, – предков поляков, чехов, хорватов, словаков. Словом, всех тех, с кем Русь, а затем и Россия воюет уже почти тысячу лет.

А тогда, в тринадцатом веке, объединенная некогда единой религиозной идеей страна распалась на независимые, часто враждебные друг другу княжества. Киевское, Владимиро-Суздальское, Рязанское и другие. Особняком стоял господин Великий Новгород, который сейчас называют феодальной республикой. Друг с другом эти независимые княжества воевали порой еще с большей жестокостью и остервенением, чем с внешним врагом. И уже в это время князья и бояре Галичского княжества стали с большим интересом поглядывать на Запад и постепенно готовить прикарпатских славян к переходу в католичество... А вера для людей того времени означала в первую очередь не догматы и обряды. Знать все это было обязано духовенство. И эти богословские тонкости мало интересовали крестьянина, ремесленника или профессионального воина. Вопрос веры был намного важнее – кто свой, а кто чужой... Владимиро-Суздальское княжество, позже Москва, потом Россия и лежащая на западе католическая, а потом единственно цивилизованная Европа. А в тринадцатом веке из глубины евразийских степей пришли монголы. Пришли на территории всех этих русских княжеств. Но вовсе не для того, чтобы завоевать их и подвергнуть колонизации, а остаться здесь жить. Степнякам нечего было делать во влажных лесах Северо-Восточной Руси. Люди, выросшие в сухом климате центра Евразии с холодной морозной зимой и жарким летом, чувствовали себя в сыром лесу весьма неуютно, часто начинали болеть. Как сказали бы сейчас, болезнями органов дыхания. А антибиотиков тогда еще не знали. И, самое главное, в лесах было невозможно вести кочевое хозяйство – негде было пасти коней.

Причина похода монголов на Русь была совершенно другой – вековая вражда с половцами. Эти два степных, близких друг к другу народа можно сравнить с современными поляками и русскими. И те и другие славяне, еще пятьсот лет назад прекрасно понимавшие речь друг друга. Но почти тысячелетие непрерывной войны поставило непреодолимую стену ненависти между нами и поляками.

А тогдашние половцы имели сильных, как они считали, союзников – русских князей. Все русские князья уже давно породнились с половецкими ханами. И ехать в степь, чтобы в хан-

ской семье выбрать в жены наследнику княжеского престола кого-то из «красных девок половецких», для тогдашних русских князей это было вполне нормальным явлением. Тогдашний половецкий хан Котян давно уже породнился с русскими князьями.

И когда 1223 году в половецких степях появились два монгольских тумена²³, русские князья, естественно, выступили союзниками своих степных родственников. На реке Калке собрались дружины трех сильнейших князей Руси – Мстислава Удалого из Галича, властителя той самой будущей Галиции, Мстислава Киевского и Мстислава Черниговского. Объединенное русско-половецкое войско насчитывало около восьмидесяти тысяч человек. Половецким ханам и русским князьям победа казалась неизбежной. И предложение о мире русским князьям со стороны монгольских послов показалось лишь проявлением слабости, когда те объяснили, что не собираются ни завоевывать Русь, ни воевать с русичами. Но русские князья, формально будучи православными христианами, совершили крайне подлое преступление – убили всех монгольских парламентаров. Мерзость содеянного, кроме убийства безоружных людей, была еще и в том, что все монгольские послы были христианами. Более половины кочевников Великой Степи в те времена исповедовали христианство несторианского толка²⁴ – кераиты, найманы. Причем, не вдаваясь в богословские тонкости, они искренне считали себя такими же православными, как и русичи. Кстати, степная империя, основанная Чингисханом, была веротерпима, в отличие от Запада. Среди степняков были и мусульмане, и язычники-тенгриане, поклоняющиеся Синему Небу. После этого нарушения всех моральных норм для монгольского полководца Джебе битва стала неизбежной, и вполне естественным был приказ – пленных не брать. Согласно сборнику законов Чингисхана, Ясе, обман доверившегося тебе безоружного человека являлся непрощаемым преступлением.

Тут мне вспомнился очень похожий случай, произошедший в сорок пятом году, когда мы работали на Дунае. Наши войска тогда окружили столицу Венгрии, Будапешт, и всем было понятно, что город немцам и венграм не удержать. Чтобы избежать разрушений и гибели гражданского населения, венгерскому командованию была предложена капитуляция. Венгерские генералы вроде бы согласились... Но на обратном пути по машине с парламентарями немцами был открыт огонь. Смертельно раненный водитель сумел выжать педаль газа, и машину занесло в расположение советских войск. Наши солдаты и офицеры увидели троих умирающих товарищей. После этого штурм был уже неизбежен, и в отношении защищавших город немецких эсэсовских частей действовал жесткий приказ – пленных не брать!

То же самое случилось и на Калке. На свое несчастье, половцы имели еще одних врагов, которые стали верным союзником монголов, – бродников. Бродники или Черные клобуки, так по-разному называли моих казачьих предков в те далекие времена. Жившие в степях потомки торков, берендеев, частично смешавшиеся со славянами, исповедовали православие²⁵. К половцам, разорявшим их кочевья и захватывавшим людей для продажи в рабство, мои далекие предки не испытывали ничего, кроме ненависти, и к их союзникам из русских княжеств симпатий тоже не имели.

Я перестал мерить камеру шагами и, присев, стал вспоминать подробности битвы при Калке.

Монголы и бродники имитировали отступление. Вентерь – так еще в начале нашего века именовали казаки этот тактический прием... Ложное отступление. Русско-половецкое вой-

²³ Тумен – соединение монгольской армии численностью десять тысяч человек. Соответствует современной дивизии.

²⁴ Несторианство – религиозное течение, отколовшееся от православия в XI веке. Было распространено среди кочевых народов Евразии.

²⁵ В семидесятые годы XX века на месте этих событий проводились раскопки. Было обнаружено множество захоронений монгольских воинов, оставленных бродниками. Они весьма характерны: так, найден надмогильный камень, на котором выбит крест и надпись по-старорусски: «Брату моему названому Илхе (кероитский вариант имени Илья) от Ивана». Результаты исследований не афишировались по идеологическим соображениям.

ско бросилось в погоню. Но не все и не одновременно. Кто в лес, кто по дрова – так сказал тогда на лекции преподаватель. Конница растянулась вдоль пути преследования на большое расстояние, причем каждый хан и князь остался только со своей дружиной. Взаимодействие и связь отсутствовали напрочь. Теперь уже в каждом отдельном боестолкновении численно превосходящими оказались монголы и их союзники. Они пересели на свежих лошадей, что вели в поводу, развернулись и перешли в атаку. Сначала были разбиты половцы, а затем одна за другой княжеские дружины. Те даже не успевали выстроиться в боевой порядок. На плечах бегущих половцев монголы вламывались в ряды княжеских дружинников и легко сметали их. И если поход 1223 года был разведкой боем, то через четырнадцать лет на Русь пришло около тридцати тысяч степных воинов. Это были ветераны, прошедшие огни и воды. Поэтому неудивительно, что они прошли через разрозненные русские княжества, как нож сквозь масло, выполнив главную задачу похода: половцы были разбиты, а их остатки ушли на территорию современной Венгрии.

Но для Руси главную угрозу составляли вовсе не монголы. Во-первых, государство, основанное Чингисханом, было веротерпимым, во-вторых, более половины степняков сами были христианами. А вот на западе был всегда страшный и беспощадный враг. После первых крестовых походов против мусульман на Ближний Восток германский император Фридрих II решил направить немецких крестоносцев из Палестины против православных. В 1237 году в Прибалтике немецкими рыцарями было образовано военно-монашеское государство – Ливонский орден. Его основная задача – захват Руси, окатоличивание покоряемого населения, уничтожение непокорных. Произошли знаменитая Невская битва и Ледовое побоище. Но это были выигранные сражения в войне против всего католического Запада, против которого небольшие русские княжества не могли устоять. И гибель Руси на Западе считали лишь делом времени. Но в 1252 году немецкие рыцари получили информацию о том, что князь Александр Невский побратался с Сартаком, сыном Бату-хана. Сартак был христианином, и названные братья обменялись нательными крестами. Соответственно, для Бату-хана князь Александр стал приемным сыном. В Новгород на усиление были отправлены боевые отряды степняков. Для монголов, исповедовавших принцип «за удаль в бою не судят», было вполне нормальным уважение и дружба с недавним достойным противником. А в это же время князь Даниил Галицкий, современник и антипод Александра Невского, сразу после ухода монголов в свои степи напал на союзных им князей, перебил всю аристократию, а население разогнал, частично продав в рабство. Политический курс Даниила состоял в том, чтобы выделить Галицко-Волынское княжество в самостоятельное государство, ориентированное на Запад. Папа римский, верховную власть которого признал Даниил, прислал ему даже королевскую корону. Да вот незадача – ее забрали у папского посланника поляки. Так зарождалась сама идея галицийского нацизма – на вражде к другим русичам. Но кроме Галичины и Волыни будущее украинство зародилось на территории Великого княжества Литовского, государства, захватившего все русские княжества, не вошедшие в состав монгольской Империи. И эти идейные предки украинских нацистов хорошо отметились после Куликовской битвы. Тогда, в 1380 году, и у темника ²⁶ Мамаю, и у русских имелись союзники. Союзником князя Дмитрия, будущего Донского, был законный хан Орды Тохтамыш. Он двигался на соединение с войсками своего подданного, московского князя, из заволжских степей. А на помощь Мамаю тоже двигался с войском литовский князь Ягайло.

Никак не уменьшая героизма русских на Куликовом поле, отметим, что немаловажным для победы оказалось отсутствие в битве литовского войска. Восемьдесят тысяч воинов Ягайло опоздали всего на один дневной переход. Этим мы обязаны еще одному незаслуженно забытому герою русской истории – князю Олегу Рязанскому. Он, маневрируя со своей пятитысяч-

²⁶ Титул военачальника в Золотой Орде.

ной дружиной, сумел задержать литовцев. А когда воины Ягайло отогнали рязанцев, битва была уже закончена. Но литовцы все-таки отыгрались – они напали на русские обозы, уходившие с места битвы, и перерезали всех раненых русских воинов. А ведь большинство в литовском войске составляли русские из-под Киева, Чернигова, с Волыни. Они говорили на том же языке, что и убитые ими раненые, и еще пока называли себя православными... Но уже скоро Ягайло заключил союз с Польшей и папой римским и приказал своим подданным принимать католичество. После 1413 года все бояре и служилое сословие Литовского государства получали равные права с поляками только при условии принятия католичества. И вскоре оказывалось, что самыми жестокими гонителями православия и всего русского становились новообращенные католики, вчерашние русичи.

Я улыбнулся, вспомнив, как нашего преподавателя сильно раздражала формулировка «монголо-татарское иго».

«Монголо-татарское иго, сама эта теория была написана на немецком языке и только позже, в восемнадцатом веке, переведена на русский язык. Цель проста – хотели, чтобы в России все степные народы считали врагами. Кстати, «иго» по-китайски переводится как «единое государство». А вот про польско-литовское ярмо на шее русского народа наши русские западники не любят вспоминать», – часто говорил он.

Да, русские и православные в польско-литовском государстве были людьми второго сорта, но тем не менее во всех войнах, которые вела Речь Посполитая против России, они принимали самое активное участие. И что лично мне крайне неприятно, эта завербованная в королевскую армию голота, тогдашние босяки, величали себя казаками. Это они, духовные предки Мазепы и Бандеры, осаждали вместе с немцами, венграми и поляками Псков во время Ливонской войны, Троице-Сергиеву лавру во времена Смутного времени. И именно они проявляли изуверскую, нечеловеческую жестокость, порой удивляя даже немцев и поляков. Одно уничтожение города Елец вместе с жителями в 1618 году чего стоит. Это гетман Сагайдачный²⁷ со своими душегубами отличился. После распада Речи Посполитой и вхождения почти всех русских земель кроме Галичины и Волыни в состав Российской империи на Западе не успокоились. Хорошо отработанная тактика воевать против русских руками других русских была принята к реализации в будущей войне разведкой Австро-Венгрии. С середины девятнадцатого века в Галиции, являющейся частью Австро-Венгерской империи, началось гонение на все русское. Галицийским русским, или русинам, как они себя называли, стали внушать, что они украинцы, особая европейская нация. Человек, хотевший занять место чиновника или учителя, должен был подписать следующее обязательство: «Заявляю, что отрекаюсь от русской народности, что отныне не буду называть себя русским, а лишь украинцем, и только украинцем»²⁸. Особенно ненавидела все русское украинская греко-католическая церковь. После начала Первой мировой войны украинизация Галичины пошла семимильными шагами. Был создан концентрационный лагерь Талегроф, хотя точнее его было назвать лагерем смерти. Туда попадали исключительно те, кто продолжал считать себя русскими и русинами, не желая становиться украинцами. Геноцид населения, считавшего себя русским, шел полным ходом. Были образованы боевые формирования из «свидомых украинцев» – Легион украинских сечевых стрельцов. Они наиболее охотно, с большим увлечением сжигали села, признанные «русофильскими», и расстреливали крестьян с женами и детьми.

Да и в самой Российской империи агентура влияния австрийского Генштаба тоже трудилась весьма плодотворно. Профессор Грушевский написал историческийopus, где объяснялось, что украинцы – это чистокровные европейцы, без малейшей примеси чужой крови, а вот

²⁷ Глава Правобережной Украины в Речи Посполитой. Весьма символично, что флагман украинского флота, корабль управления, носит имя «Гетман Сагайдачный».

²⁸ Текст подлинный.

москали – это исключительно потомки татар и финно-угров. Пропаганда «мазепинцев», как их тогда называли, облегчалась крайне слабой работой российских спецслужб. Как Отдельного корпуса жандармов, так и военной контрразведки. Хотя основная сложность ведущих украинскую пропаганду в России «мазепинцев» была в том, что те, кому адресовались эти идеи, даже не подозревали, что они... украинцы. Они искренне и вполне справедливо считали себя малороссами, русскими из Малороссии. Здесь даже мало помогала придуманная украинская азбука – «кулешовка». Поэтому после начала Первой мировой войны и первых поражений русской армии немецкая разведка пошла своим путем, несколько отличным от их австрийских коллег.

В 1916 году в лагерях для русских военнопленных Радштадт, Зальцведель и Вейцлар была развернута вербовочная работа. И хотя поначалу, как говорили «профессиональные украинцы», «свидомых среди пленных было дюже мало», голод, холод и тяжелые условия плена делали свое дело. Число желающих служить в украинских частях германской армии постепенно росло. Пленным читали лекции, они должны были понять, кто такие украинцы, и забыть навсегда, что они были русскими или малороссами. Основная вербовочная работа шла в лагере Радштадт, где были сформированы кадры для 1-го Запорожского полка. К февралю 1918 года из бывших пленных в Германии была сформирована дивизия, переброшенная затем на Волинь. Она именовалась первой дивизией синежупанников. Солдаты этой дивизии именовались так из-за своей экзотической униформы – синих жупанов-кафтанов и шаровар. Головным убором была высокая белая папаха с малиновым шлыком. Подпоясывались украинские воины широким красным кушаком. Командовал дивизией генерал-майор Зелинский, взятый в плен в начале войны. Естественно, что он тоже отказался считать себя русским.

Видя успешные результаты, германское командование начало формирование новых украинских частей на территории Германии и Австрии. Но офицеры должны были сдать экзамен по «украинознанию». Все эти многочисленные украинские части после поражения в войне Германии и Австрии составили армию гетмана Скоропадского, а позже Петлюры. Главным требованием в этой армии было ненавидеть Россию и воевать против русских. Тогда у петлюровцев не вышло, никаких побед над Красной армией в Гражданскую войну они не одержали. Отметились лишь еврейскими погромами и грабежами и убийствами мирного населения. После поражения в войне, в эмиграции в 1929 году была создана организация украинских националистов (ОУН). Организация объединила тех, кто был завербован в лагерях военнопленных и выходцев из Галиции, «профессиональных украинцев». Была оформлена идея «интегрального национализма». Примечательно, что украинский нацизм идейно оформился в то же время, когда в Германии зародился национал-социализм, а в Италии фашизм. Автором заповедей украинского национализма был Дмитрий Донцов, этнический русский из Мелитополя. Общий смысл был прост и понятен для самого тупого рогули: москаляку на гиляку²⁹, а кацапа на ножи! Кстати, у Донцова настоящая фамилия – Щелкоперов.

Возглавил организацию бывший полковник австро-венгерской армии Евген Коновалец. Он дважды встречался с Гитлером, и немецкая разведка снова решила разыграть украинскую карту в будущей войне против СССР. Но советская разведка отслеживала происходящее, а не «ждала у моря погоды». В мае 1938 года советский разведчик, русский парень Павел Судоплатов, внедренный в ОУН под именем галичанина Павлуся Валюха, подарил Коновальцу коробку конфет. Тот, как и фюрер германской нации, обожал сладкое. Вот только полакомиться Коновальцу не удалось – при попытке открыть коробку сработало взрывное устройство. На посту лидера украинских нацистов оказался Андрей Мельник, не обладавший нужным боевым опытом и авторитетом. Ему составлял конкуренцию молодой лидер Степан Бандера. Масла в огонь вражды умело подливала советская разведка. В 1940 году ОУН окончательно раскололась на

²⁹ Рогули – прозвище галичан среди жителей Восточной Украины. Москаль – враждебное прозвище русских, кацап – презрительное. Гиляка – виселица.

«мельниковскую» и «бандеровскую» фракции, потеряв в кровавых разборках тысячи рядовых членов и партийных функционеров. А вот что творили мельниковцы и бандеровцы из украинских шуцманшафт батальонов и карательных эйнзатцкоманд на оккупированной советской территории, слабонервным лучше не знать. Одна Волынская резня чего стоит ³⁰. Вот только зачем после войны Галичину и Волынь не отдали Польше? Как говорил Саня Пинкевич, там тех, кто считал себя русскими, уже и кости истлели. И все население без исключения исповедует украинский нацизм. Там в каждой семье в ту войну кто-то служил если не в карательном батальоне, то в дивизии СС «Галичина», если не в эйнзатцкоманде, занимавшейся уничтожением населения, то в охране лагеря смерти, какого-нибудь Бухенвальда или Собибора.

Да, присоединение Западной Украины после войны – это большая ошибка товарища Сталина. И эта ошибка стоила большой крови – жизнью многих солдат и офицеров Советской армии и войск МВД. И зачем потом вкладывать деньги, развивая в этом враждебном нам регионе промышленность и образование? Галичина никогда не была в составе России, вот и самое место ей в Польше. А поляки бы быстро с этим бандеровским движением покончили... Это мы, русские, всегда миндальничаем, а поляки не стали бы.

Как там Саня рассказывал про польскую антипартизанскую операцию «Жешув»? Она проводилась весной 1946 года на приграничной с СССР территории, где жило украинское население, сплошь поддерживающее бандеровцев. А эффективность любого повстанческого движения или партизанской борьбы находится в прямой зависимости от помощи местного населения. Поддержка населения – это осведомители партизанской разведки в каждом селе, это медицинская помощь раненым. И, наконец, самое главное – снабжение повстанцев продуктами, есть-то всем надо. А тогда в течение нескольких дней все украинские села были блокированы польскими войсками. Население отконвоировано к железной дороге, погружено в вагоны и под охраной отправлено в Силезию, бывшую территорию Германии. А те бандеровцы в польском приграничье, оставшиеся без всех видов обеспечения и без продовольствия, были уничтожены в кратчайшее время авиацией и артиллерией, удары которых наводились разведывательно-поисковыми группами по радио. А после окончательных зачисток лесных массивов в опустевшие села завезли поляков. Да и те бандеровцы, которых отправили в Силезию, живя в польском окружении, вынуждены были говорить на польском языке. А лет через десять-пятнадцать их дети, окончившие польские школы, уже будут считать себя поляками. Да... Мы, русские, все равно так никогда бы и не смогли... Этим мы от них и отличаемся.

А вот Павлу Анатольевичу Судоплатову теперь понятно, что грозит. Как говорится, что в лоб, что по лбу. Он всю свою сознательную жизнь боролся против украинских нацистов... Они такое не прощают... А ликвидация Троцкого – там Судоплатов вместе с Эйтингоном работал... «А я сам-то тоже служил в бригаде особого назначения под их командованием», – вдруг обожгла меня внезапная мысль. Но додумать я не успел.

---

³⁰ В 1943 году украинскими нацистами было уничтожено почти все польское население Волыни. Причем людей убивали самыми варварскими способами – рубили топорами, распиливали пилами, а маленьких детей приматывали к деревьям колючей проволокой.

Глава 2

Допрос

– Подследственный, встать! На выход! Руки за спину! – Голос надзирателя, прогремевший в камере, был сродни ушату холодной воды, вылитой на голову.

Через пару минут я снова шел по длинным коридорам, заложив руки за спину, и смотрел в широкую спину надзирателя. И что день грядущий мне готовит? «Хотя, находясь в камере, не имея часов, я не знаю день ли сейчас, ночь или утро», – поправил я себя.

Кабинет, в который меня привели на этот раз, сильно отличался от предыдущего и размерами, и обстановкой, и людьми, находившимися в нем.

– Садитесь, подследственный, – услышал я глухой, хрипловатый голос.

Стандартная казенная мебель – шкаф с бумагами, письменный стол, несколько стульев. Окно закрыто широкой портьерой. Хозяином кабинета был плотный широкоплечий майор с широким красным лицом. «Давление у него, что ли, повышенное», – мелькнула у меня мысль. В уголке рта у хозяина кабинета дымилась папироса. За правой стороной письменного стола сидела девушка, стенографистка с погонами лейтенанта.

Я невольно зажмурился от яркого света настольной лампы, направленной мне прямо в лицо.

– Что Черкасов, не нравится? – стоявший у стола майор демонстративно выдохнул мне дым в лицо. Потом молча стал рассматривать меня, глядя исподлобья. Его взгляд чем-то напомнил мне нашего колхозного быка Борьку. Когда-то после окончания второго класса летом я, будучи подпаском, первый раз выгонял коровье стадо, а пастух дядя Ваня в то утро куда-то отлучился... Вот Борька и решил прогнать чужака... До сих пор помню, как я убежал от него...

Наконец майор заговорил и решил сразу, как говорится, взять быка за рога.

– В общем, так, Черкасов, – снова выпустил мне дым в лицо следователь. – Некогда мне тут с тобой турысы разводять. Подписывай протокол допроса по-хорошему, да и дело с концом. И уе..., – майор запнулся, посмотрев на девушку.

«Наверное, она ему нравится, если он сдерживает себя и не хочет материться при ней», – я перевел взгляд на стенографистку. Светловолосая, довольно симпатичная девушка тоже молча посмотрела на меня.

«А ведь майор сейчас похож не на быка Борьку, а на медведя, которого не вовремя подняли из берлоги», – закончил я свою мысль.

– Подпишешь по-хорошему и уматывай на свой Тихоокеанский флот или еще там куда... Отделаешься выговором по партийной линии за потерю политической бдительности. Да, Черкасов, надо уметь различать врагов народа, – ухмыльнулся майор. – Тех врагов народа, которые хотели захватить власть в стране... Не хочешь по-хорошему, все равно подпишешь... только по-плохому, – майор хитро ухмыльнулся, посмотрев мне в глаза. – У меня все признаются и во всем. Надо будет, признаешься и в том, что ты царя Ивана Грозного отравил.

При этом он победно посмотрел на девушку, видимо, предполагая, что она оценит его юмор.

– Ну что надумал, Черкасов? – с деланным добродушием обратился ко мне следователь. Медленно выдохнув воздух, я молча мотнул головой.

– Ладно, будем по-плохому, – следователь нажал кнопку вызова. – На «стойку» его, – бросил он появившимся в кабинете охранникам.

Меня снова привели в камеру, но уже не в свою. Это была клетушка метров пять в длину и метра два в ширину. Было и зарешеченное окно, но оно располагалось так высоко, что увидеть, что там, на воле, было невозможно. В этой камере не было ни привинченной кровати, ни

умывальника, ни унитаза. Ничего, кроме двух табуретов, на которые уселись два надзирателя. Я стоял между ними.

Эта форма дознания, в свое время запрещенная наркомом НКВД Берии, величалась «стойка» или «стоянка». «Поставить на стоянку» означало в течение длительного времени не давать человеку спать. Причем подследственному не позволялось ходить, даже двигаться, не говоря уже о возможности сидеть или лежать... Как рассказывал писатель Роман Николаевич Ким, больше всех эту пытку выдержал один авиационный инженер. Он простоял около семи-десяти часов. Этим трем суткам хватило, чтобы сделать его инвалидом.

«Думай-думай, тебя именно этому учили в первую очередь», – подстегнул я себя, глядя на примостившихся на табуретках соседей. «А что, если... Но Роман Николаевич этнический кореец, и с его внешностью такой фокус был вполне приемлем. Значит, думай еще, вспоминай все, чему тебя учили в институте». Да, тогда, в тридцать седьмом, арестованного старшего лейтенанта госбезопасности Кима уже должны были расстрелять... Следственные дела тогда штамповали быстро – подручные наркома Ежова громили советскую разведку, как военную, так и НКВД. И когда Роман Николаевич обратился к следователю с признательными показаниями, тот сначала обалдел от радости. А потом пришлось проверять его показания, и все это растянулось на полгода. За это время сменилось руководство НКВД. Пришедший на пост наркома Лаврентий Павлович Берия дал команду объективно разобраться во всех следственных делах и провел амнистию в отношении незаконно осужденных. «Так, значит, используя этот тактический прием, но только придется простоять несколько часов. Все должно выглядеть естественно... Я должен сломаться. Мой следователь большим умом явно не отличается, да и излишним образованием тоже не обременен... Но на полгода затянуть волюнку у меня точно не получится – сейчас не тридцать седьмой год, а пятьдесят третий. Ладно, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок, и то дело...» – подумал я про этого следователя.

Когда по моим прикидкам прошло около четырех часов, я повернулся к правому охраннику.

– Я хочу дать признательные показания следователю.

Тот в ответ лишь кивнул, не проронив ни слова. Меня снова провели по коридорам, и вот я оказался уже в знакомом мне кабинете. За столом, обложившись ворохом бумаг, сидел его хозяин и что-то писал. Стенографистки на этот раз не было. Наверное, рабочий день закончился, и она уже ушла домой. А этот трудился не покладая рук. Видимо, хотел, чтобы начальство заметило его служебное рвение. Наконец майор оторвался от бумаг и с делано безразличным видом мельком скользнул по мне взглядом.

– Ну что, надумал, Черкасов? – майор, потянувшись, поднялся из-за стола.

– Я не Черкасов. Мое настоящее имя Мотоно Кинго. Я являюсь приемным сыном японского дипломата Мотоно Ичиро, бывшего посла в России...

Сглотнув комок в горле, я продолжил медленно говорить, показывая моральную сломленность и внутреннюю опустошенность.

– Впоследствии мой приемный отец стал министром иностранных дел в кабинете Ямамото. Свое основное образование я получил в императорском лицее в Токио. Затем окончил Никано-рикугун-гакко... Русским языком владею с детства – на нем говорили в нашей семье, – добавил я, глядя в округлившиеся глаза следователя.

– А это что такое? – следователь обалдело глядел на меня, с трудом веря в происходящее.

– Императорская разведывательная школа, – быстро ответил я. «Уж больно ты впечатлителен, дядя, а в нашей профессии это минус», – мысленно отметил я. И, отвечая на следующий, еще не высказанный вопрос, продолжил: – Виктор Черкасов был убит осенью сорок первого года перед отправкой в Москву. Тело, естественно, не нашли, те, кто обеспечивал мое внедрение в бригаду особого назначения, умеют работать...

Мой следователь трясущимися от волнения руками уже прикуривал папиросу. Наконец, справившись с собой и сделав несколько затяжек, он с сомнением спросил:

– Но вы ведь не очень похожи на японца... – и внимательно посмотрел на меня.

– Я из семьи айнов³¹ с острова Хоккайдо, – быстро ответил я.

– А это кто такие? – уже с интересом спросил следователь.

– Айны являются народом европеоидной расы и от русских неотличимы. Хотя еще со времен Русско-японской войны японские разведчики, забрасываемые в Россию, по легенде, играли роль оренбургских, забайкальских или сибирских казаков. Этнотип очень схожий с одним из японских. – Я продолжал говорить, не давая следователю времени на осмысление услышанного. – Поэтому и был выбран город Чкалов, бывший Оренбург. Я имею в виду мое внедрение, – пояснил я и, поглядев прямо в лицо майору, спросил: – Читали, наверное, повесть Куприна «Штабс-капитан Рыбников» про японского разведчика?

Его мой вопрос явно озадачил. Он это наверняка не читал, а сейчас не хотел в этом признаваться – понял я.

– «Ведь на Урале и среди оренбургского казачества много именно таких монгольских шафранных лиц», – продекламировал я строки произведения.

Майор уже явно пришел в себя и теперь, сидя за столом, что-то деловито писал. «Ну, пиши, пиши. Этот протокол я подпишу с удовольствием. Потом майор помчится лично докладывать начальству, что разоблачил матерого шпиона. И если у него непосредственный начальник наподобие его самого, то могут действительно послать запросы в Чкаловское управление МВД, да и на Дальний Восток... Хотя в конце концов ему скажут, что он идиот... Вот тогда мне действительно не поздоровится... Да и хрен с ним, будь что будет», – подумал я и даже успокоился.

– Распишитесь, подследственный, – майор протянул мне протокол допроса. Обращался он теперь ко мне подчеркнуто вежливо. Я равнодушно, почти не глядя, поставил свою подпись.

– Сейчас вас доставят в вашу камеру, и можете отдыхать, – сказал майор, нажимая кнопку вызова.

«А он даже не спросил, какое у меня звание в японской разведке», – отметил я, выходя из кабинета. Оказавшись в камере, я мгновенно, лишь сняв ботинки, повалился на койку и провалился в тяжелый тягучий сон. Мне снился мохнатый рычащий медведь, который бил меня лапой по голове, а после того как я падал, подбегал противного вида шакал с оскаленной мордой и кусал меня за ноги... А после появлялся большущий клыкастый кабан и говорил голосом следователя: «Ты у меня все подпишешь, приятель». Потом снова из темноты появился медведь, замахнулся лапой и ударил по шее, зарывав при этом.

– Встать! – я проснулся от бесцеремонного удара по шее, а теперь дюжий надзиратель почти приподнял меня, держа за шиворот. Сон со всеми кошмарными сновидениями мгновенно исчез. Все более или менее хорошее когда-нибудь кончается. Еще через мгновение меня, все так же крепко держа за шиворот, вытащили через открытую дверь камеры в коридор. Оправиться, то есть сходить в туалет, мне не дали.

– Руки за спину! Пошел вперед! – рыкнул надзиратель.

Снова прошли по коридорам к двери знакомого кабинета, куда меня бесцеремонно втолкнули. Мой следователь стоял возле окна и курил. Оно на этот раз не закрыто шторами, и свет летнего дня радостно врывается в полутемный кабинет.

Свет! Сейчас уже утро! Значит, я проспал часов семь-восемь, а то и больше! «Выигранное сражение в проигранной войне» – вспомнилась услышанная где-то фраза. А вот майор точно не спал всю ночь, явно сидел на телефонах. Об этом говорили его покрасневшие глаза

---

³¹ Коренное население Курильских островов и севера Японии.

и очередная папироса, которую он нервно курил, выпуская дым в открытую форточку. Рядом на подоконнике стояла пепельница с грудой окурков.

– Конничива, гражданин следователь, – я чуть присел в ритуальном японском полупоклоне.

– Чего? – обернулся ко мне майор.

– Да это я по-японски поздоровался, – ернически ответил я. Терять мне было уже нечего.

– Ах ты, сука! – поставленным боксерским ударом майор снизу ударил меня в солнечное сплетение. Надзиратель, детина с погонами сержанта, при этом снова ухватил меня за шиворот. Этот удар я, незаметно для окружающих, «снял» легким движением тела с громким резким выдохом. Кулак майора вроде бы попал мне в солнечное сплетение, а его рука проехала мне по груди.

Подыгрывая следователю, я тяжело обвис, удерживаемый сверху могучей рукой охранника, и тяжело застонал. Со стороны мои действия были похожи на легкую судорогу. Майор, потеряв равновесие, уткнулся головой в широкую грудь сержанта. Потом, доставая из кармана очередную папиросу, медленно подошел к окну. – В общем, так, Черкасов, – прикурив, следователь бросил спичку в уже переполненную окурками пепельницу. – Про подготовку захвата власти в стране я тебя спрашивать не буду. Пока, по крайней мере. Это все твои начальники, генералы с полковниками, лучше тебя расскажут, – майор выпустил в форточку струю дыма.

– Но я не зря ночь провел... Я теперь всю твою биографию лучше тебя самого знаю... И у меня к тебе есть очень интересные вопросы. – Докурив, майор подошел к письменному столу, засыпанному ворохом бумаг и папок, и, тяжело опустившись в кресло, пристально посмотрел на меня.

«Так, значит, арестован генерал Судоплатов и, видимо, почти все руководство нашего девятого отдела», – молнией сверкнула у меня в голове мысль. Продолжая смотреть на меня, следователь достал платок и вытер слезящиеся глаза. Затем, налив из графина воды в стакан, выпил его содержимое двумя глотками. В это время в кабинет вошла уже знакомая мне девушка-лейтенант.

– Доброе утро, Мариночка, – изобразил майор на своем усталом лице улыбку.

– Здравствуйте, Алексей Петрович, – звонким голосом ответила девушка и уселась за письменный стол рядом с телефоном.

– Ты иди, – следователь махнул рукой надзирателю.

«Она у него явно стажирется», – боковым зрением я оценивающе оглядел девушку. Возраст двадцать два – двадцать три года, видимо, после института, скорее всего, юридического. Значит, они служат в следственном отделе...

– В общем, так, Черкасов, – прервал мои мысли майор, – вы обвиняетесь во вредительской деятельности с целью подрыва обороноспособности Советской армии, физической подготовки ее личного состава, подрыва авторитета советской борьбы вольного стиля самбо³² и восхвалении казачьих белогвардейских традиций, глубоко чуждых нашему интернациональному социалистическому обществу, – оттарабанил майор одним духом, глядя в какую-то бумажку.

«Как говорят картежники, зашли с других козырей», – подумал я, слушая обвинение.

– Вы, Черкасов, на всех углах расхваливаете и пропагандируете ножи, которые использовали казаки-пластуны, – на этих словах майор снова заглянул в бумажку. – А пластунский нож, как известно, запрещен³³ в Советском Союзе, – следователь победно взглянул на меня. – В уголовно-процессуальном кодексе есть даже статья за ношение и применение ножей, – майор

---

³² Самбо – именно так называли данную борьбу, фактически дзюдо, с 1946 года.

³³ Наиболее рьяно этот запрет стал проводиться после 1953 года. Кроме того, фактически было запрещено русское боевое искусство.

снова взглянул на свой листок, – финского типа. И что же вы нам на это скажете? – осклабился майор.

– Хорошо, записывайте. Быстро стенографировать, я думаю, вы умеете, – улыбнулся я, посмотрев на девушку. – Вообще-то, ножи пластунского типа традиционны для почти всех народов Евразии. Это и традиционный бурятский нож, ножи северных народов, финский пуукко и наш русский засапожник. Это холодное оружие не имеет гарды. Это упор или перекрестие, – пояснил я, глядя на девушку. – Поэтому система «нож-ножны» идеальна именно для боевого ножа. Жесткая фиксация ножа в ножнах происходит за счет трения рукояти об устье ножен. Нож хорошо фиксируется в глубоких ножнах, но при этом выхватывается мгновенно и бесшумно. В ближнем бою выхват из сапога – это начало «пишущего удара». Делается это, естественно, одной рукой, другая при этом свободна. Для примера, чтобы просто достать штык-нож, состоящий на вооружении Советской армии, нужно задействовать две руки. Одной расстегнуть застежку, другой – доставать это изделие. Ножом назвать эту дрянь язык не поворачивается, – с пренебрежением договорил я. – Дальше. Навершие рукоятки, хвостовик ножа, выполнено под углом. При работе с этим ножом используется так называемый пластунский хват. Рукоять ножа при этом упирается в торец ладони. Это позволяет наносить сильный проникающий удар, практически не используя силу руки. Поэтому у нас в Четвертом управлении, да и в Смерше в войну, им великолепно владели девушки и женщины, – добавил я, поглядев на лейтенанта. – Кроме этого, при ведении кругового боя, это когда работаешь один против нескольких противников, – ответил я на невысказанный вопрос посмотревшей на меня девушки, – именно отсутствие гарды позволяет бойцу перехватывать нож как прямым, так и обратным хватом. Нанося при этом как «пишущие», так и проникающие удары. При «пишущих» ударах поражаются артерии – сонная на шее, лучевая и запястная на внутренней стороне предплечья. Поражение артерии в бою – это смерть через несколько минут. Естественно, наши инструкторы в ОМСБОНе, из бывших пластунов, учили нас работать двумя ножами. У человека ведь две руки, – пояснил я.

– А кто такие эти пластуны? – первый раз задала вопрос девушка. Кажется, ее все услышанное весьма заинтересовало.

«А у нее умные глаза, – только сейчас отметил я, – причем серого цвета».

– Говоря современным языком, казаки-пластуны – это войсковые разведчики и разведчики-диверсанты, – подумав, ответил я. – И эти навыки передавались из поколения в поколение от отца к сыну. А сами казаки – это военно-служилое сословие, которое, живя по границам государства...

– Это царские опричники, палачи трудового народа, – перебил меня майор и повысил голос: – Не соскакивай с темы, Черкасов!

Я в ответ лишь пожал плечами и продолжил:

– Еще о терминологии. Почему пластунский нож часто называют финкой? А все очень просто. В тысяча восемьсот девятом году Финляндия вошла в состав Российской империи. И знаменитая фирма «Фискарс», производящая холодное оружие с тысячи шестьсот сорок девятого года, стала выпускать боевые ножи для русской армии. Отличительной особенностью пластунских ножей фирмы «Фискарс» была высококачественная сталь и рукоять из ценных пород дерева. С тех пор финским ножом и стали называть пластунский нож высокого качества. Хотя у нас на Южном Урале в Златоусте делали не хуже. Только малыми партиями. Самый известный пластунский нож мастера Силина. Наверное, тогда и появилась поговорка «У русского человека душа нараспашку, но нож за голенищем», – улыбнулся я и снова посмотрел на майора. – Теперь насчет самбо, дзюдо и джиу-джитсу. Против чего я принципиально против, как системы боевой подготовки воздушно-десантных войск и разведывательных частей Советской армии.

– Так вы против советской борьбы самбо, Черкасов? – майор что-то отметил в своем листочке и посмотрел на меня.

– Да, против. Хотя никакая она не советская, – со злостью отрезал я.

– Хотелось бы поподробней услышать все это от вас, – в словах майора явно звучала издевка.

«Ладно, черт с тобой, слушай», – чуть не ляпнул я, но вовремя сдержался. Вдохнув и выдохнув пару раз, я начал говорить, взвешивая каждое слово:

– Создатель нынешней системы самозащиты, принятой в Советской армии, Василий Сергеевич Ощепков родился в конце прошлого века на острове Сахалин. Но образование он получил в Японии, окончив семинарию при Русской православной миссии. Не думайте, что там изучали только богословие, – усмехнулся я, глядя на недоуменное лицо следователя. – В первую очередь в семинарии изучали японский и английский языки, культуру и историю Японии. Сомневаюсь, чтобы основатель семинарии архиепископ Николай Японский, в миру Иван Дмитриевич Касаткин, когда-либо задумывался о перспективе службы его учеников в разведке. Но их готовили для миссионерской деятельности именно в Японии, которая является нашим естественным противником. Поэтому это учебное заведение плотно курировала военная разведка России. Интересно, что более половины семинаристов составляли дети из казачьих семей – офицеры русской разведки знали, кого нужно отбирать...

Есть данные, что этим делом занимался капитан Ипполит Свирчевский³⁴, специалист по нелегальной разведке. Тут уж я всего знать не могу... Как говорится, не мой уровень. Но очень многие из выпускников семинарии затем служили в русской и советской разведке. Ощепков как раз из их числа. Знаю, что в двадцатые годы он был резидентом³⁵ на оккупированной японцами части Сахалина...

Ну, это не главное, – подумав, добавил я. – Учась в семинарии, Ощепков серьезно занимался дзюдо, окончил институт дзюдо «Кадокан» и первый из русских получил черный пояс. Это высшая степень отличия, – пояснил я, отвечая на невысказанный вопрос следователя. – Так вот, вернувшись в Советский Союз, Ощепков ушел из разведки и стал преподавать дзюдо в Красной армии, везде ведя пропаганду этого единоборства. В тысяча девятьсот тридцать шестом году для армии им было выпущено наставление «Комплекс боевых приемов по системе дзюдо для военнослужащих РККА». Он везде говорил и писал, что освоение приемов дзюдо должно стать боевой задачей для бойцов и командиров Красной армии...

– Так что же в этом плохого? – с интересом спросил следователь.

– А то, что дзюдо или самбо не может быть для нас системой боевой подготовки. Это спорт. Поэтому оно и называется – единоборство. Японцы, в отличие от нас, до двадцатого века никогда по-настоящему не воевали. Все их войны в Средние века – это феодальные разборки князей. И все их сражения часто шли по одной схеме – выходили на поединок два самурая, а их слуги ждали, чем закончится дело. Поэтому и японское дзюдо, и входящее в моду окинавское карате – это единоборства. А на войне не бывает, чтобы против тебя в ближнем бою оказался только один противник. Уж поверьте мне на слово или полистайте личное дело, – усмехнулся я. – Кстати, рукопашные боестолкновения советско-финской войны показали, что приемы дзюдо против диверсанта с пуукко³⁶ в руках не помогут.

Теперь о термине «самбо». В тысяча девятьсот тридцать седьмом году Василий Ощепков был арестован и умер от сердечного приступа в тюрьме. Естественно, его имя вообще перестало где-либо упоминаться. Врагов народа положено забывать, – я искоса взглянул на следователя. – Кроме того, в это время происходил военный конфликт с Японией. Бои в районе

---

³⁴ Офицер разведки Генерального штаба, специалист по Японии.

³⁵ Резидент – глава разведывательной сети. Ощепков был резидентом военной разведки.

³⁶ Финское название пластунского ножа.

озера Хасан, потом на реке Халхин-Гол. В общем, вместо японского для этой борьбы придумали русское название – сначала «вольная борьба», а с тысяча девятьсот сорок восьмого года просто «самбо». Ну а его создателем объявили Анатолия Харлампиева, ученика Ощепкова. Якобы тот создал самбо из разных видов спортивной борьбы ³⁷.

– «А ведь кто-то из этих тренеров по самбо грамотно накатал на меня донос, – вдруг понял я, – из тех, кому я показал их никчемность. У нас в пограничной бригаде сторожевых кораблей как раз начфиз ³⁸ такой был...»

– И самое главное, чтобы получить какие-то навыки в дзюдо или, если вам угодно, самбо, заниматься нужно долго. А в нашей русской боевой системе есть очень быстрые формы обучения. Как это было в нашей особой бригаде, а позже в Смерше, в ту войну.

– И как же это было? – недоверчиво спросил майор. Похоже, что и его эта тема заинтересовала.

– Обучение у нас проходит в виде игры, забавы или пляса. Может быть, и под наигрыш гармони, – добавил я, вспомнив бригадную школу младшего начальствующего состава и что также было у нас и в ОСОАВИАХИМе. В памяти всплыло лицо Егора Ивановича Подкидышева. – Обучаемые, около десяти человек, становятся вплотную, лицом друг к другу в ограниченном пространстве. Потом начинают двигаться, «обкатывая» друг друга. Так начинают учиться «снимать» удар.

– Чего-чего делать? – снова с интересом спросил следователь. И, видимо, не зря – судя по хорошо поставленному апперкоту ³⁹, боксом он занимался серьезно.

– «Съем» удара – это чисто русская техника рукопашного боя. «Снимая» удар, не останавливают руку или ногу противника, а мягко изменяют его траекторию, переводя удар в другое направление. Противник при этом проваливается, теряя равновесие. В бою с большим количеством противников грамотно снятый удар одного противника переводят в другого. Особенно если они машут саблями или прикладами, – улыбнулся я, вспоминая рукопашный бой с японцами. – В дальневосточных единоборствах и в самбо от удара защищаются жесткими блоками – сила на силу. Я не совсем представляю, как жестким блоком можно защититься от рубящего удара казачьей шашкой, – подумав, добавил я. – Следующее. Техника русского рукопашного боя основана на базовом волновом движении. Кроме постановки базового движения «маятник» начинается постановка боевого дыхания. Казаки называли его «собачьим» или «волчьим».

---

³⁷ Об этом в СССР был снят лжеисторический фильм «Непобедимый».

³⁸ Начальник физической подготовки и спорта воинской части.

³⁹ Удар снизу в боксе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.